

ПОСВЯЩАЮ ЖЕНЕ МОЕЙ.

Было время, когда и я считал себя гостем на веселом пиру жизни. Мечты и надежды сулили неопытному блаженство неисчерпаемое и неодолимым обаянием увлекали пришельца в шум и деятельность мира гражданского. В то время, в минуты отдохновения от дел, от волнений светских, не раз принимался я за книгу Иова. Но книга лежала предо мною без жизни, как загадка без ключа, как древний иероглиф без объяснения. Над этою книгою, казалось мне, волновалось густое облако таинственности, сквозь которое тускло и в каком то тумане видел я картину великих страданий, борение человека с судьбою, недуг, проникавший до мозга костей страдальца, и скорбь беспримерную. Но все оттенки этой необъятной скорби, этой тяжелой, продолжительной пытки, все стоны, все жалобы многострадального исчезали для меня среди шума жизни, в кипящих заботах мира. Настало другое время, когда суетливый говор страстей и тревоги быта общественного заменились глубоким безмолвием пустыни. Медленный, единообразный ход времени в стране дикой, почти безлюдной, расположил душу к размышлению более спокойному, более правильному. В холодных объятиях действительности угасли пылки мечтания юности, затихли тревожные волнения ума и пробудилась кроткая жизнь сердца - уединенного, как страна, его окружавшая. Тогда, на берегах величественных озер, — этих огромных зеркал, в которых отражалось небо севера, в местах, загроможденных обломками какого - то древнего мира, — раскрыл я опять книгу Иова: — и как изумился, не найдя в ней прежней неясности! Эта книга, в которой открылись мне красоты слова Божия, сделалась моим любимым чтением. Душа невольно сроднилась с страдальцем; века исчезли, расстояния не стало.... Я видел, я осязал раны многострадального, я вслушался в его жалобы томные, однообразные, как пустыни каменистой Аравии, и - мне показалось: я по́нял его муки, разгадал тайны скорби, непостижимой для счастливых мира. Тогда предпринято переложение Иова в стихи, или, лучше сказать, свободное подражание этой книге. Я достиг уже вполовину цели, как, по встретившимся обстоятельствам, думал оставить предприятие недоконченным. Но благое Провидение даровало мне в сопутницы жизни - тебя. С самоотвержением искренней любви подала ты мне руку и разделила жребий странника. С тех пор луч утешительной надежды закрался в развалины моего земного счастья. Звуки арфы и лиры твоей улаждали печального; дружеское участие ободряло его. Тебе, моя верная сопутница на пути - не всегда радостном, тебе посвящаю мое подражание книге Иова, переложенной мною в мерные стихи. Этим стихам отдал я последний душевный огонь, не догашенный бурями жизни.

Книга Иова, — в его лице и истории, - изображает борение добра и зла. Иов, «величайший из сынов Востока» (как сказано в самой книге), вступил в борьбу с злоначальником (Так называет сатану Макарий Египетский в беседах своих.), нетерпеливым, лютым, и победил его терпением и кротостию. Этот враг страдальца (древний завистник человеков) представляется как лице незримое, но враждебное, губительное, которое невидимую рукою, с непреодолимою властью рока, наносит мощные удары страдальцу и смеется над его страданием. За Иовом видны друзья Иова — цари Востока. Жена патриарха, — одна уцелевшая из всего семейства, — является на минуту с намерением погубить старца на веки, склоняя его проклясть Бога и умереть, И наконец, к числу беседующих в пустыне, среди гремящего неба и потрясенной земли, благоволяет присоединиться - Сам Бог!

Есть мнение, что писатель книги Иова — Моисей, наученный всей Египетской мудрости, сильный в словах и делах, орган Св. Духа и слова Божия. Он написал ее, как полагают, во время сорокалетнего пребывания в пустыне Мадямской (В Талмуде говорится, что Моисей потом, в пустыне синайской, ходил по шатрам Израильтян и читал книгу Иова для ободрения унывающих.). Древнейшими читателями этой древнейшей книги были, надобно думать, все двенадцать колен Израильских, исторгшиеся из рабства Египетского, прошедшие по — суку чрез море, видевшие погибель коней, колесниц и шумных ратей фараоновых и созерцавшие грозу и славу Бога на таинственной высоте Синая. Эту книгу читали потом и под виноградом и смоковницею счастливой Палестины. В христианском мире отцы и столпы Церкви: Иоанн Златоуст, Григорий Великий, Ефрем Сирийский, блаженный Августин, уважаемый многими Ориген благоговейно и глубоко изучали терпение Иова в его книге. У Евреев ученые Раввины, составители Талмуда, потом Раввин Елеазар и другие - также с благоговением рассуждали об этой книге. Не считаю нужным говорить, как много и новейшие ученые занимались книгою Иова

(Умбрейт, один из переводчиков и пояснителей книги Иова, приводит до 30 известных ученостию мужей, занимавшихся переводом и изъяснениями на эту книгу.). Один из умильных обрядов у христиан – Греков сопровождается пением строк из Иова. При погребении Марко Боцариса, — при этом достопамятном погребении, которое торжественно совершалось под прекрасным небом возрождавшейся Эллады,— молодые девы, шествуя длинным рядом, усыпали последний путь героя цветами, и пели стихи из Иова (И поныне сохранился еще у некоторых Евреев обычай проводить семь ночей в доме усопшего и читать книгу Иова. Наша Православная Церковь положила правилом прочтение начала и конца книги, где описываются лишения и терпение Иова и новое его благосостояние и довольство,— на страстной седмице, сближая зло страдания Иова со страстями Господа.). Более 35 - ти столетий слышали жалобы многострадального!... И во все времена, у всех народов, были сердца ему сочувствовавшие; ибо человек всех стран и веков, любит, по временам, предаваться высокой, таинственной грусти, часто составляющей лучшую роскошь сердца. Я приписываю тебе мое свободное подражание книге Иова там, где оно вполне окончено. Вместе провели мы несколько прекрасных дней в уединении очаровательном, в благословенной Малороссии, в семействе, умеющем наслаждаться всею прелестью древней патриархальной жизни и лучшими цветами нового Европейского быта. Мы утешались престарелою матерью, окруженною любовью четырех достойных сынов и нежнейшей дочери. Тихая жизнь и семейственные добродетели так редки в наше время, обильные явлениями бурными, что мне приятно вспоминать о том месте, где, в ласковом воздухе цветущей Малороссии, окончил труд мой, начатый под шумом северных лесов, колеблемых ветром, навевающим стужу от берегов Белого моря. Я почту себя счастливым, если слабое мое подражание книге, отличающейся силою слога, заслужит хотя некоторое внимание соотечественников. Тогда приношение это делается более достойно твоего неоцененного для меня дружества.

Ф. ГЛИНКА.

Июля 20 - го, 1834 года

Село Ярославец

Черниговской губернии.

ПРОЛОГ.

I.

В пространствах горних и священных
Сиял Всемощный Егова.

Кругом, как строи ополченных,

В Его лазоревых полях,

Миры несчетные блистали

Несчетным множеством чудес,

И Ангелы со всех небес

Лобзать стопы Его слетали.

На их одеждах огневых

Заря и радуги сверкали

И злато искрилось... У них

Всегда весна, не гаснет младость,
Не молкнет песнопений клик.
«Иегова, любовь и радость»,— В
одно сливаясь, – жизнь и сладость
Вливают в горний их язык!... И вот,
под синевом намета,
Тесна им стала вышина.—
И, следом за сынами света,
Пришел, как мраз – губитель лета,
Отродье ночи – сатана.
Страшилище, огромный станом,
Как пасмурный, осенний день, В
безтенном небе великаном Он
шел..... И безобразно тень За
ним, по радостной лазури,
Чернеясь, медленно текла,
Как гробовое покрывало....
По бороздам его чела
Прошли и молнии и бури;
Под смурой бровью ад кипел;
В груди косматой клокотало,—
Скрывать он злобы не хотел,—
В ланитах судорги играли;
Синея, губы трепетали,
И вихри искр и тучи стрел
Порой из желтых глаз бежали, И
смердный дым из уст летел.—
Его хитон – был серный пламень,
Горой вздымались волоса....
Его сердили небеса...
И дик и нем, он был - как камень,
Стыдясь молиться и любить.—
Готовый небо поглотить,
Он стал близь горнего совета,
У прага истины и света,—
Чтоб яд злословья изливать И все
чернить и, в буйстве диком,
Своим пронзительным языком На
человека клеветать!—

Он добродетели не верил,
Везде доискивался зла,
По мысли он своей все
мерил,— А мысль его черна
была.

Ловитель - он в свои тенета
Беспечных смертных уловлял, И
после - пред престолом света—
Их с громким смехом обличал....
Коварный, мрачный и суровый, Он
в небе наводил тоску... Но глас
раздался Иеговы,

И Бог вещал клеветнику:
— «Ты видел - ли Мое
творенье: Мои полки и рати
звезд,

Мои негаснущие солнца?...
Давно - ли был ты на земле?
И видел - ли ее порядки:—
Народы, царства, города?—
Там люди - слабые созданы
Творят разумные дела...

А как живет там раб мой Иов!
Ты обратил - ли на него
Свое внимание?»

Смущенный

Сын злобы злобно задрожал И
клеветать хотел на старца...

Но Бог с любовью продолжал
(Слова вражды предупреждая):
— «Я знаю,— он благочестив И,
беззаконникам на диво,

Живет и честно и правдиво,
Всегда чело его светло,

Он ненавидит грех и зло
И, как Отца, Меня он любит.

Молитву раннюю его

Ко Мне приносит Ангел утра: Все
молится он за детей!— Дым жертв

его ко Мне восходит..... Земля
полна твоих сетей,
Но праведник Мой честно ходит
По человеческим путям;
И ты не раз дивился сам,
Как он закон мой исполняет!...»
— «Я знаю, Господи, его!»
Ловитель с злобой отвечает:
«За старцем долго я следил,
Но он меня не удивил!
И мудрено - ль ему быть верным,
Когда, Всещедрый, на него
Дождишь Ты лучшими дарами?—
Поля широкие кипят
Его степными табунами;
На нивах прибыль, в доме мир,
Семья цветет, за пиром пир;
Сыны друг к другу ездят в гости;
И сам он здоров, и у него
От счастья тучнеют кости.....
Дозволь мне, Боже, испытать
Тобой хвалимого!.. Я знаю,—
Сии жильцы Твоей земли
Адама грешного потомство
Из персей матери сосут
Любовь к греху, любовь к пороку.
Забыв Тебя, отдавшись року,
Путем погибели бегут
За каждой тенью наслажденья....
В них нет ни самоотверженья, Ни
бескорыстия в них нет:
Их свары, битвы и боренья
Обезобразили Твой свет!
Кружат, как вихри, их заботы;
Везде - друг на друга вражда,
Везде - все самость, все расчеты,
А правомерного суда
Нигде, нигде! – В их грудь железну
Вонзилась к золоту алчба.

Не понимаю, как судьба
Твоя щадит их! Их бы в бездну!!...
У нечестивой их семьи
Нет ни любви к Тебе, ни веры....
Пожалуй, с виду все они
Покорны, кротки.... лицемеры!
Им нравятся Твои дары
И жизнь исполненная неги:
Потехи, игры, да пиры,
Кони, да ратные набеги,
И пестрые в полях шатры...
Порой они Тебя и славят...
И как - же быть? Ты нужен им!
Но их терпенье – паутина,
И упование на Тебя
Притворство жалкое!... Глянь только
В лице беда им или смерть,— Тогда
увидишь их смятение
И детский страх.... Все таковы....
Таков и Твой любимец Иов!....»
Так он сказал, и замолчал,
Доволен мнимою уликой,
И с высоты ответа ждал
Он, пасмурный, с улыбкой дикой....
И Бог в ответ клеветнику:
— «Я позволяю испытанье....
Иди..... при Ангелах моих...
Они свидетелями будут...
Свирепствуй, истощай всю злость,
Свою губительную силу
Над всем, что Моему рабу
Я дал в земное наслажденье;
Но не коснись его души,
И сохрани его Мне тело,
И дух его не огорчай!....»

В покое сладком Иов жил
На широте пустынь цветущих,
И Бог давно благословил
Его ликующие кущи.
И жил он жизнью святой.
Кругом мычащими стадами,
Как пестрым морем, облитой
Белелся, длинными рядами,
Шатерный город подвижной,—
Его раздольный кочевой
Стан пастырский в долинах Уца.
Три дочери и семь сынов
Утехой патриарха были
И, в очередь, между собой
Пиры семейные водили,
Честя друг друга и рабов
И пастырей своих радушных....
И старец про себя не раз
Твердил:
«Боюсь, боюсь за вас,
Мои неопытные дети,
Чтоб, на пирах завеселясь,
Хоть на единый миг, порой, Не
позабыли вы о Боге!»... И как
последний пир стихал,—
Своих детей он очищал,
И долго Богу сам молился?
И, по числу своих детей,
Он десять жертвенников ставил
И десять жертв на них сжигал, И
на детей своих сзывал
Любовь Творца, Его щедроты,
И закалал за них тельца:
То были доброго отца
Благочестивые заботы.—
Раз дети праздновали пир,
У брата старшего гостили:
То был его чередный день.
Но старец там не пировал

И, погруженный в созерцанье,
В шатре богатом он сидел
И важно размышлял о Боге...
Вдруг вестник:
— «Гибель и беда!.....
Твои волы орали нивы,
Паслись ослицы подле них.
Вдруг туча пыльная намчалась...
И пыль еще не улеглась,
А стад твоих не стало боле:
Саввейцы из своих долин
На кущи с воплем наскakали,
Все порубили, похватали
И я перед тобой – один!»
Еще не кончил этот речи,
И новый вестник:
— «Господин!
Гроза и гибель!..... Было тихо,
И тысячи твоих овец
Паслись в раздолиях пустыни...
Вдруг смерклось... - Мчатся облака
Густятся, рдеют, раскалились.... И
вот – о чудо! - огонь дождем
Посыпал на овец, на пажить: Горит
руно, затлелся луг,
Пылает ближняя дубрава!
И наши бедные стада
Напрасно мечутся в потоки:
Везде огонь и зной, — и все,
Что зеленело, что дышало,
Добычею пожара стало!
И я свидетель бед — один!»
Не кончил сей, вдруг новый:
— «Гибель!
Халдеев ратных три толпы,
Как три весенние потока,
Вломились в пастырский наш стан
И табуны твоих верблюдов
Угнали в плен....— Лишь я - один!.....»

И сей не кончил – новый вестник: —
«О горе! горе! Семь сынов
И дочери твои младые
Семейный пировали пир....
И три сестры цвели, как пальмы;
И, как пустынные орлы,
Твои сыны, легки и здоровы,
Вкушали сладкие плоды,
Млекò и сот, и в ароматах
Топили юные волосы.
Вдруг буря взвыла.....Вихорь зельный,
Как коршун с розмаху на птиц, Напал,
ударил в дом веселья
И, с корнем вырвав дом, потряхнул,
И смял и раздробил – и страшно
Обезобразил всех!... ..Теперь
Одни раздавленные трупы
Дымятся в собственной крови:
Твоих детей не стало боле,
И вестник горя - я один!..»
Он выслушал..... Без слез, но скорбный,
Свои одежды, молча, сам
Он раздирает.... И, повои
Сорвав с главы, волосы остриг,
Главу седым посыпал пеплом
И, укрепясь, пред Богом стал
И низко поклонился Богу.....
И, по молчаньи, возопил:
—«Нагим пришел на землю я,
Нагим и возвращусь я в землю.....
Господь мне дал, Господь и взял:
Благословляю Имя Бога!
Иегова, мой Бог! Я — Твой!
Твори, что хочешь надо - мною!»
Так старец скорбный вопиял: Он
сердцем Бога понимал,
С любовью кары принимал
И не роптал на Промысл вышний.

III.

Опять на беспредельном склоне,
В безбрежной синеве зыбей,
В единый день - в день изо дней,
Иегова сидел на троне
В сиянии радуг и лучей.....
И робко перед Ним светилы
Своим путем обычным шли;
И вновь с небес далеких Силы
Лобзать стопы Его текли;
И вновь противник древний света
К Нему явился – сатана.
—«Где был?» - спросил его Создатель:
Откуда пришел ко Мне?»— —«Я
обошел всю землю, Боже! И чрез
воздушные края
Прошел по высям поднебесной.
И вот перед Тобою - я!»
—«Что - ж, испытал—ли человека?
Господь вещал клеветнику:
И видел - ли каков в напастях,
В потерях гибельных каков
Мой раб, Мой верный, кроткий Иов?....
Он сердцем прост, он чист душой,
Правдив, благочестив, незлобен,
Богат запасом добрых дел.
И в грешном мире он умел
Спасти, сберечь невинность сердца.
Почто - ж ты гнусной клеветой Меня
подвиг к жестокой мере—
Страданьем кротость испытать?»—
—«Что за страданье, Боже правый?
Ты отнял только то, что дал.... А
человек лукав и любит
В себе себя: за я свое
Он променяет все и даже.....
Но стань еще Твоя гроза
Над головой его седю:
Он отречется от Тебя!...

Благоволи –ж дать повеленье,
Чтоб я еще, в последний раз,
Изведал веру и терпенье
Тебе угодного! – Дозволь,
Дозволь его оцупать кости
И оцарапать плоть его!..
О, человек стоит упрямо
За плоть свою; он выдаст все:
Детей, богатство, почеть, славу
За ломкий свой состав земной,
Тобою слепленный из праха! Он
любит негу и покой,
Он лаком до земного счастья.....
Не принимай - же в нем участья,
Не заслоняй его рукой!
Пусть закует себя в молитву, Возьмет
терпенья крепкий щит (Твой раб
велик и знаменит!) И выступит со
мною на битву..... Смеяться любит
над судьбой Твой царь земли,
хвастливый, хилый: Но я возьму свое
с собой
И мы померяем с ним силы!
Дозволь и виждь и рассуди: Наш
будет бой за плоть и кости!» Так
говорил сын тьмы и злости, И Бог
в ответ ему:
— «Иди!
Иди! – вещал ему Всевышний:
Я предаю его тебе!
Терзай на нем земное тело,
Но не коснись его души!....»

ГЛАВА I.

В пустыне виден людный град;

Там деется мена и купля;
Шумит на торжище толпа.
Вот длинной шеей помавает
Верблюд – живой корабль пустынь,
И роет землю конь игривый Под
статным, смуглым ездоком, И с
перелетным ветерком
Играют космы черной гривы;
Надулись ноздри и в очах
Горит какой - то пламень дикой;
И тут - же, смиренная, стоит
Ослов навьюченных станица.
Пленяют ткани пестротой,
Цвета любимые в пустыни–
Багряный, яркожелтый, синий В
изделях радужных горят,
Купцы их ценность выхваляют.
И веет тонкий аромат
От мирры, амбры и алая:
Купцы Феманские купцам
Саввейским продают бальзам,
Мускат и ладан благовонный.
И все шумит, везде расчет.....
Град полон жизни.... Над пустыней
Взошло уж солнце высоко,
И тень уже - у корня пальмы.
Бегут и стадо и пастух
Укрыться в дол под кипарисы....
Но кто, страдалец, в тяжкий зной
Один на гноище томится?
Кого, безтенного, палят
Лучи пустынного светила?
Над кем жужжит сей зыбкий рой
До крови жадных насекомых?—
Как он ужасно искажен:
Глаза запухли, струп и раны
Одели тело, как кора,
И весь он, как под пеплом белым,
Лежит в проказе!... Кто сей муж?

Кто этот человек? сей нищий?
Никто о нем не поболит,—
Никто! – Он выброшен из града,
И в тяжком недуге своем
Повержен, как мертвец безгробный.....
И то был Иов!!... Мир забыл
Страдальца.— Долго, долго, долго,
Живой, он всенародно тлел,
И сам обломком черепицы
Скоблил с себя кипящий гной,
И, видя разрушение тела,
Пронзенный скорбью, цепенел,
Молчал – и на небо глядел!..
И долго - б он глядел на небо
Без слов, без жалоб, без упреков....
Но вот пришла к нему жена,—
Бывало, чтимая в пустыне,—
Не с тем, чтоб в сладостных слезах
Излить полсердца над страдальцем...
Нет! Из ее холодных уст
Летит упрек:
— «Почто, безмолвный,
Напрасно землю тяготишь?
Отверженный, чужой в отчизне,
Ты умер для земли и жизни!
Твоих уж нет на свете чад!.... И
я, терпя то зной, то хлад,
И я, бездомная, скитаюсь,
И провожу где день, где ночь;
Терплю обиды, унижаюсь.....
Отвсюду, с криком, гонят прочь
Жену гонимого судьбою!
Велишь - ли ты мне стать рабою?!
Но прокаженного жена,—
Будь и рабою всем, – страшна!..
А ты, чуть шевеля губами,
Все только на небо глядишь, Знать
молишься?!— А сам червями И

смердным гноем весь кипишь.... Когда
- ж, немой, заговоришь?!.. Кричи,
вопи, чтоб Бог твой слышал, Что ты,
полусогнивший труп, Желаеть
смерти, смерти просишь!.... Седой
отверженец могил!
Зачем костлявою рукою,
Себя царапаешь?... Покою
У Бога своего проси,
Или... будь бодр, и жизнью хилой,
Изчахлой дорожить престань, И,
посмеясь над горней силой, Рцы
слово: Бога укори
И, в наруганье над судьбою,
Будь муж, скрепись.... и – умри! Но
не стыди земли собою!...»
Страдалец с мукою привстал,
Воззрел на небо и – в ответ ей: —
«Ты говоришь мне, как одна Из жен
безумных.... Можно - ль Бога
Тревожить праздною мольбой,
И укорять дерзну - ль я Бога?!
Я — Божий весь, и жизнь моя
В Его руке! Моя супруга!
Не Сам - ли Бог нас наделял
Так щедро лучшими дарами?
Когда - ж благое от Него
Мы принимали с услажденьем;
Так примем и сосуд скорбей
И выпьем все с покорным сердцем!»

ГЛАВА II.

Семь знойных отпылали дней,
Семь летних протекли ночей
В отчизне пальм и аромата:

Сквозь синий воздух – реки злата
И реки пурпура лились,
И от востока до заката
Без грома молнии неслись
И над оазами сияли
(Тревожа сон пустынных птиц)
Разливы пылкие зарниц;
Или серебряные звезды
Блистали радостью очей
На круглом густо - синем своде;
Или, как млечная река,
На яхонт неба облака
Взбегали: виделись пещеры,
Картины гор и городов,
И выступали дромадеры,
Глотая звезды.... (*) Чудно все

(*) Поэтическое выражение Аравийских поэтов: они представляют облака верблюдами, пожирающими звезды.... Так, в одной из своих од (в оде на взятие Измаила) и наш Державин говорит: «и рыбы ходят в небесах.» Здесь рыбами названы облака.

На пышном небе Аравийском
В краю песков Авситидийском,
В стране оазисов и пальм....
Так семь ночей прошли в пустыне,—
С тех пор как трое из друзей
(И каждый от земли своей)
Пришли об Иове проведать.
И были те друзья – цари
Или властители. – И первый
Елиафаз был Феманин,
Потомок от сынов Исава;
С другой страны пришел другой:—
Валдад, властитель из Савхеи,
Ховарского Амнона сын;
Ко дню назначенному прибыл
И третий из друзей: то был
Софар - и был он царь Минийский.
Страдальца вид их поразил,

Пришли и - друга не узнали!
Вотще знакомых черт искали,
Уставя на него глаза:
Кругом его была зараза
И Бога гневного гроза;
На нем белелася проказа
От головы до самых ног!
Живой мертвец – он изнемог....
Лишь кости, в судоргах, стучали!...
И горько, горько зарыдали
Друзья, узрев всю меру зла....
Но скорбь уста им заперла:
Склонив главы, они молчали,
Не смея друга утешать.....
И чем утешить? Что сказать?!...
Но, растерзав свои одежды,
Насыпав праху на главы
И взбросив вверх по горсти праха,
Семь дней и семь ночей сидели
При дружном ложе на земле.

ГЛАВА III.

Взглянул страдалец на друзей,
Привстал и ветхие одежды
Оправил.... Но, себя страшась,
Поник главой на перси. Тяжко
Вздыхал скорбящий, и - он был Как
кедр, надломленный грозой, Ни
мертвым, ни живым. — Но вдруг,
Отдавшись лютой скорби, громко
Осиплым гласом возопил:
—«Погибни день, когда из чрева
На гибель вышел я на свет, И
ночь, которая сказала:
««Се, в чреве зачат человек!»» И

я записан в книгу жизни!... Угасни
тот злосчастный день Во тьме
глухой и в сени смерти! Да будет
мрачен он, как полночь, И душен,
как полдневный зной!— И ночь, в
которую я зачат,

С тем днем, в который я рожден,
Изглади, Господи! изглади
Из книги тайные Своей,
Из лет, из круга годового!—
И в той ночи да не взойдут
Утехи взоров— звезды неба
И миловидная луна!
С рассветом, свежестью богатым,
Заря! ты, в роскоши своей,
Не весели ее ни золотом,
Ни пурпуром своих бровей (*)! —
(*) Выражение подлинника.

Да будет ночь сия бесплодна, Да будет
вся она – болезнь!... Пусть темен,
сумрачен, как бездны, Повиснет свод
над ней беззвездный!... Да ни единая
жена,

В часы погибельной той ночи,
Страдальца в чреве не зачнет!— Не
будь у той ночи прохлады!... Да
заклянет тот день, ту ночь, Кто для
заклятий мощь имеет, Кто, тайным
словом, в дебрях змей, И, по глухим
лесам, зверей,

Иль, с берега, лютых крокодилов
Скликать и заклинать умеет,

Кому дана наука та,

Кто, в час свой, древнего кита

Таинственно преодолеет!...

Зачем тот день, зачем — с той ночью

Мне дали свет увидеть сей?

Зачем я не родился мертвым?

Зачем не умер я — родясь?!...
Почто ты на свои колени
Меня, о мать! приняла?
Почто лелеяла, ласкала
Меня – младенца сберегала
И в детских играх и во сне?
Зачем молилась обо мне?!...
Почто меня питали перси?
Земли небывший населенец,
Зачем я в чреве не погиб,
Как недоношенный младенец?
Меня - б закинуть, чтоб пропал
Я в пеленах, еще без смысла!
За - то давно - б уже я спал
Протяжным сном в глубоком лоне,
На общем сходбище – в земле!
Там все равны — рабы и князи:
Богач бок - о - бок с нищим лег;
Для всех один покой счастливый
Под хладным черепом земли!
Покинув троны, там легли,
Цари, что в бранные тревоги
За славой гибнущей текли:
Вонзались в небо их чертоги
Из скал громадных на столпах; Над
прахом их – все стерлось в прах!... И
те, что золото холмили
И серебро в своих ларях,
Со мной - бы рядом опочили....
Там нет насилий, чужд там страх;
Различья нет там земнородным;
Для узников - нет кандалов,
Нет кабалы там для рабов,
Никто не стонет от трудов...
Все — долгий отдых и свобода
У подземельного народа!
Прохладна за могилой сень!... А
здесь, а в сей палящей жизни, В
сей бездорожной темноте,

Мы только бродим, как слепые!...
Зачем ты светишь, Божий день?
Чтоб нам показывать, как люди
Томятся, плачут и грустят?
А я, – я мученик безвинный,—
Рыкаю громче гладных львов, И,
словно ток на дне кремнистом, В
моей груди кипит тоска;—
Полуистлевшему и нищу
Подаст – хлеб жизни чья рука?!—
Я воплем приправляю пищу,
Роняю слезы в питье!
Я трачу жизнь, теряю силу,
И сам себе свою могилу,
Тоскуя, вырыть - бы я рад,
И гроб почел бы я за клад!..
Вот, други! вот мое бытье!
Он каменной налег горою
На перси мне, холодный страх:
Я весь им стиснут! Вот я вижу:
Чего боюсь.... ко мне идет;
Чего содрогнусь.... то надходит! Горю и
зябну.... страшно!... страшно!!..... Изныли
кости от тоски!.....
Но разве я роптал доселе,
Под тяжким натиском скорбей?—
Не сохранял - ли я молчанья,
Когда, въедаясь, прогрызал
Мой недуг гибнущее тело,
И видел кости я свои?
Ведь, я как камень был, – доколе
Меня прожег Господний гнев!.....»

ГЛАВА IV.

Тогда Елиафаз Феманский

В ответ на ропотную речь:

— «Сказать ли мне?... Но я

боюсь, Что горькому – тебе горька

Покажется беседа правды.....

Но можно ль чувство удержать?

Оно кипит и просит слова—

И я скажу: – ты был мудрец;

Бывало, помнишь, – ты советом

Живил, пленял сердца людей;

Ты – шатким в мыслях был подпорой,

Скользящих словом укреплял,.

Разноглагольных вел к единству И

разнодушных примирял.

Но самого едва коснулась

Беда пролетная перстом,

Ты и расслаб! И вот – как мертвый! И

хоть привстанешь, но за тем, Чтоб

жребий смертного злоречить!.... Где -

ж страх Господний? Где тот дух,

Который меряется с скорбью, Растет в

терпеньи и – булат

В огне страданья закаленный

Идет на муки, как на пир?

Господь правдив! Когда карает,—

Карает верно за грехи!....

Кто видел праведных в стесненьи?

Когда невинный погибал?

Господь казнит лишь преступленье:

Так от веков Он поступал!—

Всесилен Бог! Одно дхновенье, —

И бурный дух его ноздрей (*)

(*) Выражение подлинника.

С земли сметает нечестивых.....

Звенел глас львиный по зарям,

И тигра рев смущал пустыню;

Но тот и оный – мертвецы!

Их семьи сгибли; – в их вертепах
Засели сумрак с пустотой!...
И я однажды, в тайне ночи,
Послышал некакий глагол.....
Он, мне казалось, как украдкой
По слуху моему скользнул,
Но сердце глубоко прорезал.
И было то в такой уж час, —
Когда дневное все стихает
И сходят страхи с тишиной.
Меня вдруг обдал ужас. Страшно
Мои все кости затряслись,
И пробежал по жилам холод...—
То дух пронесся надо мной! . Во
мне все сжалось.... волос дыбом! И
вот он стал— как неземной, Незрим,
безличен, безтелесен; Но мне он
как - то виден был,
И глас его ко мне повеял,
Как из могилы тонкий хлад;
И я слова сии услышал:
«Ужели можно человеку
Пред правдой Божьей правым быть?!—
И можно - ли, чтобы творенье Явилось
чище, чем Творец?!— И близкие к Нему
не чисты!
И в светлых Ангелах Своих
Нашел Он пятна! Что - же люди,
Скудельных храмин сих жильцы?!—
Они - приросшие к земному
Обезображены грехом,
Как ткань, изъеденная молью!..
Их утро вносит в колыбель,
А вечер сносит их в могилу,—
И в кратком бытии они
До мудрости не дозревают!.....»

ГЛАВА V.

И продолжал Елиафаз,
Словами метя на страдальца,
Желая старца вразумить:
— «Я знаю, — гнев кипящий, ярый
Пронзает сердце, как стрела,
И зависть, истомляя душу,
Низводит малодушных в гроб!
Зови Святых к себе на помощь!
От неба будет - ли ответ?
О чем грустишь так неутешно?
Стяжаний - ли погибших жаль?.....
На что богатство человеку!
Ничто не прочно под луной!
Мы – жертвы случаев враждебных:
Придет война и – все на дым!
И жатву снимет кто не сеял,
И вырвет кто не насадил;
И в погреба за нашим златом
Войдут без спроса, без ключей!—
Но ничего – я сколько знаю—
Нет без причины на земле!
Беда не из земли выходит,
И горе не растет в лугах;
А всякой человек на скорбь
Рожден, как птица на летанье..... Но,
друг, будь бодр!....Но, друг, крепись!
Имей на Бога упованье:
Пред Ним смирись, Ему молись!...
И я о Нем возвышу слово:
Он дивен, Он велик – Господь!
Он дождь пустыням посылает
И утоляет зной песков!
Он высоко ведет покорных
И Сам расслабленных целит:
Одной рукою поразит,
Другою перевяжет рану,
Как опытный и добрый врач.

Он осязает мысли злобных,
Умеет скрытых обличать:
Пусть удумают, затеют,
Пусть втайне козни их созреют,—
Он ярко правдою блеснет
И ложь и тайны их сожжет!
О, Он умеет все предвидеть
И так ловящих уловить,
Что и разумники в безумье
Бегут, как дети! — Часто им
И днем – темно, – и в полдень ясный
Они чуть ощупью бредут.
Но Он - же нищего хоронит
От уязвлений языка,
От злостных уст клеветника,
И мощная Его рука
Чудесно слабого уводит
Из рук насилия, и Сам
Он сторожит над беззащитным!!—
Блажен, кого карает Бог!
Не избегай караний Бога:
Они к высокому ведут!
В Его руке гроза и ласка!
Он и возьмет и возвратит! Шесть
раз из бед великих вынет, В семи
бедах спасет от зла! В час глада
сбережет от смерти, В бою
заслонит от мечей,— И ты
пройдешь среди заразы, По
трупам падших, невредим! Он так
скрепить умеет сердце, Что
сколько - б бед ни налегло,
Какое - б ни постигло горе — В
глуши лесов, в странах чужих:
Все будет человек как дома! Он
вступит в родственный союз Со
всей могучею природой И, у
радушной на пиру,
Уж ничего не устрашится:

Куда пустыней ни пойдет,—
Ноги о камень не препнет, И
дикий зверь его не тронет, И
яркий зной не опалит!
Он хлеб найдет свой повсеместно,
И станет жизнь ему легка, И будет
он, как гость в беседе, У жизни
весело гостить
И прохлаждаться на покое....
В его очах и на челе
Увидят все самодовольство! И
будет он, как полный клас, На
ниве жизни – долго, долго,—
Доколе, с честью его
Положат в житницу Господню!
Поверь мне, Иов, это так:
Мы это испытали сами....
А ты подумай про себя:
Не согрешил - ли в чем пред Богом?»

ГЛАВА VI.

— «О, как - бы, други, я желал,
Чтоб здесь, пред вашими глазами,
Спустились весы судеб,
И чтоб на них мои все муки
Господь правдивый возложил!»
Так Иов грустный говорил,
И продолжал с болезнью сердца:
«Тогда - б увидели, что скорбь,
Моя болезнь, моя тоска,
Мои несносные мученья—
И вес приморского песка
Перетянули—б..... От того
В моих болезненных речах
Порой тоскливое волнение.....»

Увы, я чувствую: в меня
Впились, вонзились Божьи стрелы,
И душу из меня сосет
Их ядоносная отрава.
И ужасы — кругом меня,
Со всех сторон грозой пугают!..
Горю, томлюсь – покоя нет!
Кричу, зову – не отвечают;
Прошусь в могилу - не пускают;
Под зноем мук, страдальцу нет
Ни сна, ни сладостной прохлады;
Мой сон наполнен страшных грез,
Глаза растаяли от слез,
И сердце, слыша грозы, млеет....
О горе, я живой - мертвец!
Я часто сам к себе с вопросом:
Живу - ли я, иль не живу?
Я обеспамятел в несчастьи
И разум утопил в слезах.—
Мне опостылил свет и люди... А я,
ведь, так любил людей!!.. Все,
все, чего страшился прежде,
Теперь увидел на себе!
Ведь, я — не каменный, не медный....
Осел ревет - ли на траве?
И бык мычит - ли подле корма,
Когда присмотрен он и сыт?... Что
пища без приправной соли?!.. Мой
хлеб постыл мне стал от боли,
Полынью стало питание!
Увы мне!... Братья вероломны
Спешат от ложа моего –
Все врознь, как токи снеговые,
Как своевольные ручьи
Без русла. От снегов рожденны,
Те ненадежные ручьи
Бегут, теряясь в бездорожьях,
И первый яркий солнца луч

Их иссушает до поддонья.
И мнимой дорожа водой,
Вслед за скитальцами - ручьями,
Беспечно доверяя им,
В пустыни идут караваны
И погибают заблудясь....
Вот караван Феманский длинный,
Соввейцев шумный караван
По тем ручьям пошли в пустыню
И ужаснулись, зря обман
Своих предателей безводных...
И я хотел - бы воду жизни
Из ваших вычерпнуть речей
И освежиться ими в жажде;
Но, вместо сладких токов водных,
Пред несчастливцем появились
Вы уж изсякнущим ручьем!! Так
чем вам напоить страдальца,
Отверженного от людей?!....
Да! — я отверженец, бездомок,
Кому чужда уже земля....
Я брошен бурей, как обломок
В грозе морей от корабля....
Но разве у родства, у дружбы
Я требую себе даров,
Или наград моим утратам,
Иль избавления от бед,
Иль выкупа от супостата?....
А признаюсь: я б оценил
Одну слезу – слезу от сердца,
Когда - б сюда, на грудь мою,
Ее участие обронило....
Но вокруг меня – один упрек!....
Скажите - ж: как и что мне делать?....
Я стисну грусть и замолчу!
Без доказательств доказать
Хотите вы свою мне правду,
А голос скорби и тоски,

Как дым, пускаете на ветер!....
Друзья, богатые умом,
Меня в безумьи не вините!
Безумен я? – так обличите....
Я неразумен? – научите....
О, мудрена наука жизни!
Но я готов вам уступить,
В чем уступить по правде можно!
Ваш долг помочь и просветить:
Но вы в речах своих так строги!...
Участья нужен мне елей!
Мои свежи еще так раны!
А вы с оружием острых слов
На безоружного напали,
И, сети ставя сироте,
Подкоп под дом его ведете!
Хотите - ль сердце смять мое
И, запугав, засыпать мразом
Последний жар моей души?....
Однако ж, выслушайте, други!
Сберите все мои слова
И взвесьте их и рассудите:
Напрасно - ль друг ваш вопиет,
Иль вопиет в нем чувство правды?...
А правда, ведь, еще моя!!»

ГЛАВА VII.

«Что наша жизнь? – Тревожный сон,
Борьба и тяжкая работа!
Как раб, боящийся лозы,
Влача свой плуг под ярким зноем,
Все рвется, чтоб укрыться в тень;
Все смотрит, – скоро - ль долгий день
Завечереет, скоро - ль отдых: —

Так дни и месяцы - текут
Моей многострадальной жизни!.....
Все тело рушится мое:
То вдруг его облягут раны,
То заживут.....И вдруг опять
Моя растрескается кожа
И, гноем налив, болит.....
Жизнь, смерть, день, ночь.....все стало смутно.....
Сомкну - ли ночью я глаза
(Страдальцу ночь – долга, как вечность!),—
Я пробужусь и говорю:
Когда – ж рассвет? Ах, скоро - ль утро?!
Приходит утро - я опять
Вздыхая вопию: где–ж вечер?!
Мое все тело - струп и струп,
И я - седой, стнящий труп!!!...
Как ссохлась, пригорела кожа!..
Увы, мои былые дни
Мелькнули, будто в зыбких краснах:
Мелькает нить за челноком.....
Промчалась жизнь скорей беседы И
стала мимолетным сном.....
О горе! все невосвратимо:
Прошла пора моих надежд!.....
Земных отрад, земного счастья,
Уж не видать мне и в мечте!
Как облак дымчатый редееет
И исчезает в высоте:
Так я исчезну! – Бездна ада
Не выдает своих: увы!
Оттоль не выйдешь в дом родимый,
Ни вести к ближним не пошлешь! —
Уйду, — и без меня застынет
Мое и место на земле!....
Итак, доколь еще язык мой
В устах вращается, друзья,—
Я буду, буду все, с тоскою,
Все непрерывно изливать
Всю ярость беспредельной скорби:

Скажу и выскажу векам,
И поздним донесу народам,
Что совершалось здесь со мной,
Как мучили меня в пустыне!....
Что - я?... Речной - ли крокодил,
Иль гневная пучина моря,
Что так плотиной обложен,
Так связан, заперт и стеснен?!
Когда прошу: дай мне отраду,
Дай видеть счастье хоть во сне,—
Далеко, дикою мечтою,
Ты сон мой отгоняешь прочь....
То окружен я пустотою,
То черная, в пустыне, ночь
Полна страшилищ: – вот их очи
Огнем неистовым горят,
Они в меня вонзают взоры;
То реки с клокотом шипят,
То с грохотом валяются горы
Все на меня!! — Я весь разбит,
Изломан, раздроблен, убит;
Мое от страха сердце жметса, И
весь я – как под бурей трость; И
слышу, – все во мне трясется, И
ударяет кость о кость.....
Почто–ж томить?..Вели скорее
Меня изгладить из живых
И душу свободить от духа,
От смерти кости свободить! — О!
что есть человек, сын персти,
Что Ты так чествуешь его,
И, с непонятною заботой,
О нем радеешь и болишь,
И в дивных утренних виденьях
Ему о тайном говоришь?.....
За что - ж меня терзать? – И долго - ль
Мне ропотным и скорбным быть?
Пусть я грешу, — но что я значу Перед

Тобю, страж людей?
Зачем сражать меня стрелами
Негодовать, как на врага?
Что - б не помиловать страдальца,
Не снять—бы всех его грехов
Из жалости к сей бедной жизни!!...
Ведь, может, завтра же придут,
Меня поищут.... и напрасно!
Стадальца боле не найдут!...»
ГЛАВА VIII.

Тогда изрек Валдад Савхейский,
Стараясь также доказать,
Что Бог казнит лишь нечестивых, И
страждут только лишь они: —
«Доколе будет дух гневливый
Греметь из ропотных устен? Суд
Бога – суд прямой, — и твердо, Не
уклоняясь никуда,
Идет Его святая правда.
Твоих сынов – за их грехи,
За отпадение от правды,
За угождение страстям,
Бог предал мстящему закону;
Закон сей в буре прилетел, И
там, где пышный пир кипел,
Свершился суд неотразимый.....
Но казнь преступных не вполне
Покрыла их грехи..... И, старец,
Ты страждешь за своих детей:
Грехи детей казнят отца!...
Однако - ж духом не смущайся!
Слезой омыв зеницы сердца, У
Бога помощи проси,
И, воспрянув до солнца, рано, Когда
восток, зарей румяной Зажженный,
блещет, как алтарь, — Пади пред
Богом, помолися, И Бог воспрянет

над тобой! Тогда, как сладкою росой
Отрадный вечер гасит знойность,
Его святая благодать
Погасит огонь, тебя палящий,
И возвратит душе покой....
Будь терпелив, буд кроток, Иов:
Терпи, молчи и уповай!....
И если ты понес утраты, —
То верь: остатки от утрат
Тебе дадут плоды сторичны....
Что нам ссылаться на себя? —
Земля старее нас; мы юны:
Спроси веков, до нас прошедших,
А мы – вчерашние!... И наша
Жизнь на земле есть только тень!
Прислушайся к преданьям древним
И к голосу далеких дней:
В те дни, в словах их, было сердце,
И сердца жизнь таилась в них!
«Как может трость - дочь зыбких топей —
Без почвы влажной зеленеть?
И будет - ли цвести папирус
Без всепитательной воды? —
Не всякий - ли тому свидетель,
Что влага - пища для корней?
Но точно так и добродетель
Должна быть пищею людей!
Видал - ли травы луговые,
Давно лишенные дождя?
Оне желтеют и томятся
И, без секущая косы,
От жажды замирают сами:
Так вянут помыслы и дух
И свежесть чувства и надежды
У нечестивцев. Часто смерть
Обходит дома нечестивых,
И смотрит, нюхает, где пахнет
Грехом. Пусть заблужденный ум
Забыл, в беспамятстве, о Боге

(Об этом страшно и сказать,
И страшно думать: есть такие!!!...):
За – то их участь - паутина!
Да, – ветер уносит их надежды,
Как дом летучий паука!...
Напрасен труд твой, нечестивец!
Ты подпираешь ветхий дом, — Но
он не устоит: он рухнет
И увлечет тебя с собой!...
Смотри: в пустыне камней груды
Одел мимолетящий прах,
И росоносный ночи пар
Ее скропил - и вот на камнях
Зазеленел молодой росток....
Но то надолго - ль?!— Только тронешь
Обитель шаткую его, —
Он с корнем вон, и даже место,
Где он разцвел, нам говорит:
««И я само его не знаю,
И знать его я не хочу!»»
Вот прямо жребий нечестивых!....
Неверующим все не в прок:
На них горит, как язва, клятва;
Обманет их лукаво жатва,
И луг и нива им солгут;
Они в грехах отходят в землю
И место лучшим отдают!....
Кого - ж охотно Бог приемлет?
К кому во сретенье идет?
Кого лобзает и покоит?
Простого сердцем! — Но дары
От нечестивых – мерзки Богу!
Всевышний не подаст руки
Злодею на путях скользящих.....
Скрепись - же Иов! — Уповай!
Будь муж! За мужество святое
Господь отдаст тебе бывшее,
И посинелые уста

Опять позолотит усмешкой
И громкую в них вложит песнь....
Тогда, как к жениху невесту,
К тебе надежду приведут;
Тогда, как о воде протекшей,
О прошлом горе вспомнишь ты!...
Враги - ж твои, как в топком блате,
Потонут в собственном стыде,
И запустелые их дома
Пустынный вихорь разнесет!....»

ГЛАВА IX.

— «Конечно, так! - Он прав Бог правды! —

Скорбящий Иов отвечал:

И кто дерзнет земную правду

К Его небесной приравнять? —

И кто с Ним вступит в словопренье? Бог

скажет: «да»,— кто—ж скажет: «нет»?!...

Всевышний, с высоты Своей,

На зло и на добро земное

Глядит всевластным Судией:

Он так велик, а мы так малы!...

На тысячу Его словес

Кто сыщет хоть одно? — Всесильный,

Вездеприсутственный, Он Сам,

Лице земли преображая, ,

То вырвет горы с стержнем, то,

Столпы подземные шатая,

Стряхает с полостей земных,

Как ветошь, грады и созданья

Народов и веков. Дохнет,

Воскликнув солнцу: «стой», – и станет...

Дохнет еще, – и духом гнева

Погасит солнце, как свечу!.....

Подымет властный перст, – и звезд
Посунет страшную громаду
И перестроит небеса!
На звезды Он кладет печати
Идухом кипятит моря!..
Он, всетворящий, дивный Зодчий,
Он создал светлый Орион
И Эспера и Арестура (*)

(*) Из Славянского текста.

И семью ясную Плияд,
И тайны скрыл в чертоги юга....
Все - Он!..Везде Его пути!
Непостижим Он, дивен, чуден! —
Он ходит по волнам кипящим И
носится на крыльях бурь....
Придет, незримый, и ко мне
И вспять, неузнанный, отъедет... И кто
дерзнет к Нему с вопросом: ««Зачем и
что творишь?»» И кто Отважно скажет:
««возврати мне»», — Когда Он отнял?
– Кто–б посмел Хулить судьбы Его?!
Он в небе Земле подпишет приговор,
— И налетят отвсюду силы:
Вода, огонь и смерть и меч, —
Раздвинут, передвинут горы,
Рассыплют царства, как песок,
Просвищут в бурях волю Бога
И быт земной преобразят!!
О, страшен Он!... Его боится
Моя душа! – Его гроза
Меня сожжет, меня разрушит! Он – к
ранам раны, скорбь на скорбь... И –
все то, не открыв причины..... Как
знать мне: для чего, зачем Всю
радость Он мою развеял
И душу мне тоской засеял?..
Ах, други, тяжело мне!.. Мой дух

Теснит Он, вяжет, возмущает....
Из вас никто того не знает,
Никто Теснящего не зрит.
Он до - сыта меня поит
Слезами жаркими и желчью:
Полынь и зной в моих устах.....
Напрасно Бога призываю, —
Он – безответен, невидим...
Как строго, други я судим!.....
Но что - ж? - Оправдываться - ль? Смею - ль?
Что мне придумать? Что сказать?....
Мои уста меня потопят!...
Одно могу сказать, что Он,
Казнитель злых, казнит и добрых.
Незримый хлещет бич Его
В чело надменного злодея;
Но часто и смиренным Он
Кровавые наносит раны,
По непостижным нам судьбам....
Когда - ж казнит уж всех.... то пусть
Казнил - бы вдруг! Зачем - же мучить,
И сокрушать за костью кость,
Вытягивать за жилой жилу,
И над болезнью страшных ран
Как - бы смеяться! Нечестивым
Земля на муку отдана,
И безразсудные беспутно
Играют жребиям ея!...
Как сны, как сень, едва мелькнули
Мои исчезнувшие дни:
Они быстрее скорохода (*)

(*) «Легчае скоротечца», — сказано в Славянском подлиннике.

Промчались в вечность. Горе мне!
Как недоспелый плод, отпало
Земное счастье мое!
Что жизнь мне? Пытка, ряд страданий....

И без надежд, без ожиданий,
Мое мне тяжело бытие:

Как снег на солнце, таю.... таю...

И понемногу умираю,

И умираю с каждым днем!...

Как степь набегом урагана, Я

весь раскопан, весь изрыт, Я

весь - одна живая рана,

В которой рой червей кишит!...

Когда - ж омоюся я снегом?

Довольно в скверне полежал....

Когда - же чистыми руками

Спасен, очищен буду я?!...

Воротится - ль мое бывшее?

Где след орла? Где след волны, Где

путь провеявшего ветра?... Так

пролетел мой век!.. Ужель Столь

много грешен я? Но что мне?! Стань

чист, стань я снегов белей, Будь

утренней зари светлей: Могу - ль

сберечь себя? – Я знаю: Лишь

пожелает Он – и вмиг Опять я

мерзок и ничтожен!.. Ах! что я был?

И вот меня

Пугаются мои одежды!

О, страшно с Богом в спор входить,

Со Всемогущим препираться! И где

судья, к кому на суд

Я с Ним явлюсь? И кто

обоих Покроет нас своей

рукой?

Кто выслушает? кто решится?

И как? и по каким законам

Творца с творением судить?...

Так, от Тебя одна защита —

Ты Сам! Помилуй - же меня!

Отец, Создатель, отними

Свой жезл угрозный! Он уставлен

Мне прямо в грудь.... с него бежит

В мое подгрудие томленье
И замирание.... Тогда
Скажу отверстыми устами,
Которых страх уж не скует,
Что я не стою отверженья.....
Так совесть говорит моя!»

ГЛАВА X.

И продолжал все тем - же гласом
Многострадальный; он вещал: —
«Грущу, болею, исчезаю! Томится
вся душа моя!
Тоска, как камень, тяготеет; Вся
плоть гниет, а сердце млеет!... Дам
волю я моим устам,
И выскажу мои страданья... О,
мчися ропот мой, как вихрь, И
вынеси с собой тоскливость!...
Ах, пощади меня, мой Бог! Не
мучь создание, Создатель!
Творец, творенья не губи!
(Я, горестный, воскликну к Богу:)
Не заставляй меня грешить! Не
заставляй покинуть правду!
Скажи: за что меня казнишь, За
что Ты борешься со мною? Ты
знаешь, что перед Тобою Я
нечестивым не бывал:
Зачем - же и любви и вере
Не отвечает Благодать?
Отец, ужель Тебе приятно
Глядеть на истязанье чад,
И, долгой мукою невинных
Томя, виновных веселить?
Ужель Твой век, как наш, измерен?

Ужели судишь Ты, как мы?
Ужель телесными очами,
Ты смотришь на Своих людей,
И по земному – на земное,
Что так везде меня следишь
И так во мне взыскуешь злое?
Ты вызнал уж меня: я – Твой!
Я Твой – и никакая сила
Не вырвет из моей души
Любви и верности. Страдая
И видя близкий свой конец,
Я все кричу, к Тебе взывая:
Отец! Отец! Отец! Отец!
И нет Тебя.... все нет!!.... Почто - же
Ты так чудесно созидал
Меня, убогого, из праха,
И Сам, с премудростью
Своей, Меня ваял из мягкой
персти,
И Сам меня образовал,
И – дивный Зодчий – Ты
перстами Своими члены все мои
Означил, утвердил, управил?.....
Но что - ж? – Иль это все за тем,
Чтоб вдруг опять Свое ваянье
Разбить на мелкие куски,
Чтоб тварь Свою Творец
разрушил?!— Как летом, сладкое
млеко
Закиснув, в тучный сыр сгустится,
И примет образ густота:
Так, огустив земной состав мой,
Ты Сам снабдил его костью, И
жилами связал, и плотью
Одел, и кожей облек,
И жизнь в меня вдохнул Ты. Сладко
Мне было жить в Твоей любви: Ты
милостью меня лелеял,

И Сам водил, и Сам берег,
И будущность моя таилась
В Твоем всезнании. Увы!
Я знаю: все, что есть со мною,
Есть от Тебя! — Ах, если я
Перед Тобою был коварен, —
То – горе мне! Преступник я!
Когда - б я был неблагодарен, —
Я - б изверг был.... я - б был..... Но нет!
Будь прав, будь чист я, – все посмею - ль
Чело с отвагой подымать?
И вот, облитый посрамленьем,
Я брошен здесь - на смех врагам:
От несчастливца все стремится....
Один к другому: ««Как - бы нам
Его бедой не заразиться?
С ним страшно быть: под гневом он!
Оставим: пусть умрет несчастный!.....»
И вот зовет, зовет напрасно
Ко мне моих мой тяжкий стон!
Все прочьВсе врознь....Со мной опасно!!.....
Останься - же хоть Ты со мной,
О прежний Утешитель мой!—
Шатаясь над своей могилой,
Тебя зовет страдалец хилой:
Умилосердися над ним!.....
Но, Боже!...я Тобой гоним!....
Как страшный лев с своей добычей:
Отпустит, даст ей отдохнуть,
И в миг, одним прыжком, хватает
И держит бедную в когтях;—
Так и со мной: ослабят муку
И муками пронзают вновь!!....
Мне кажется: Ты чем - то светишь
И раскрываешь мне..... меня!
Толпа свидетелей с Тобою,
И гнев Твой - пламя! Ты полки
И рати на меня наводишь.....
Зачем - же Ты меня извлек

Из чрева матери? – Почто я,
Теперь болея, тлея, ноя,
Заброшен в эту жизнь? – Зачем,
Родясь, я не угас, как искра?
Тогда - б как будто не был я;—
Из чрева - прямо - бы в могилу,
В страну безсветную теней:
Там спал - бы мирно, сном завидным! —
Что кратче дней моих? – Постой!.... Дай,
я опомнюсь.....Отступися..... Дай мне
хоть дух перевести!
Пошли хоть миг, хоть миг без муки,
Чтоб мне на ясный день взглянуть,
Пока настанет ночь без утра,
Пока сойду туда, где нет
Ни светлых видов, ни порядка,
Ни неба, ни земли, где все —
Смешение, туман и ужас
И безглаголие и тьма!....»

ГЛАВА XI.

Не утерпел Софар Минейский;
Примеру следуя друзей
И обличить желая старца,
Заговорил:
— «Доколь роптать
И многословить? – В многом слове
Спасенья нет! Знать, — хочешь ты
Очаровать умы речами!
И думаешь, – никто тебя ._
Не остановит! – Вот дерзнул ты
Сказать: ««я прав, я чист, как день!»»
О, благо истинно - б то было,
Когда - б, твой детский слыша крик,
Господь с небес к тебе приник

И уличил тебя - тобою!

Тогда - б узрел, тогда - б познал

Его высокую премудрость!

Она длиннее всей земли,

И шире моря, глубже бездны!

Тогда - б сознался, что твои Грехи

двойной достойны казни. Сын

персти, думаешь - ли ты Постичь,

измерить мудрость Бога И

таинств Божьих глубину? Он Сам

– бездонная пучина, И недоступно

скрыта в Нем Его всевластия

причина!...

Ты мерял - ли шатер небес?

Коснулся - ли поддонья ада?

Постиг - ли сущность Божества,

И полноту всех сил Господних?

Они превыше всех высот

И глубже всех глубин: так кто - же

Войдет в совет Творца? Он Сам

Творит и рушит, пременяет, И

отнимает, и дает,

Теснит или распространяет,

Дробит и созидает вновь:

И все то - по Своей лишь воле!.....

Он знает суету людей,

Он знает тайну их природы

И все лукавство их ума....

Но человек безумно - гордый,

Рожденный так - же нищ и наг,

Как детище осла, дерзнет - ли,

В своем безумии ума,

Сказать: «я понял Бога!...» Слушай:

Когда из под своих шатров На век

изгонишь ты неправду, А правда

даст тебе свой жезл, — Тогда

приидет мир отрадный, А скорбь и

муки отбегут,

Как вод отхлынувших громада!.....

И день твой радостно блеснет И
весело тебе взиграет,
И полднем станет ночь твоя!
Ты упитаешься надеждой,
И будешь сеять и садить
С подкрепным, сладким упованьем!
На одр возляжешь и с тобой
Уверенность: ««Меня не тронут!»» И
то исполнится: Тебя
Начнут ласкать, беречь, лелеять.
И будет светл и тих твой лик, Как
лик луны в воде спокойной. И, как
румяная заря,
Взойдет горё твоя молитва.....
Ты отцветешь, и станет гроб
Тебе ладьею узорочной
И поплывет ладья твоя,
От берега здешней жизни срочной,
К берегам иного бытия,
Под мирным парусом надежды....
Но посмотри на грешных сам: Как
дни их смутно истекают! И долго,
долго по ночам
Очей злодеи не смыкают.....
Они дрожат, испуг и страх
Им строят грёзы и обманы:
Встают, как кедр, великаны С
пожаром молнийных очей;
Кругом война - зияют раны, И
кровь струится с их мечей.—
Зачем, как тигры, лютовали?
Зачем убогого топтали
Своей железною стопой?... Не
вам, не вам – ночной покой! Вас
вечер жжет, вас ночь пугает! В
костях у грешных ноет мозг;
Уснут, - во сне их обличает
Всеведущий, всемящий Бог.
Несчастные!! – Их жизнь - им пытка,

И страшен им покой могил!...»

ГЛАВА XII.

— «Хвалитесь, – Иов рек, – как будто

Премудрость в вас одних! Друзья,

Друзья! мой также разум ясен; Я

ведаю не меньше вас:

И кто того ж, что вы, не знает?

Но знаете - ли вы: кто я?

Я – нищий, брошенный на горе,

На смех друзьям; живой мертвец,

Я тлею.....Но языком скорби

Когда воскликну к небесам: Я

слышу, – из - за звезд, из высей

Господь мне отвечает Сам!

Как угадать, о други, вам,

Что дееется в душе страдальца?

Одной тоске, одной тоске

Понятны думы злополучных, И

сердца стон, и грусти вопль....

Счастливыцы грустных ненавидят;

Богатство давит нищету

И презирает, – как светильник,

Едва мерцающий в тиши.

Но он, чуть зримый, запылает, —

Когда Господь ему велит.

Я одному дивлюсь, что часто

Шатры грабителей полны

Избытком, радостями жизни!

Мне тошно, больно, я грущу, В

честях встречая нечестивых И

видя, что врагов Своих

Господь как будто ублажает.

А все то делает Он Сам

И это все Он допускает!...
И кто - же этого не знает?
Об этом ведаёт весь мир:
Четвероногие, двукрылы,
Сама земля, - когда умеем
Ее как должно спросить, —
Древа и травы луговые
Все скажут (кто смолчит о том?),
Что у вселенной есть Господь, И
что Господь сей самовластный, И
души держит с их судьбою И
всяку плоть в Своей руке.
Кто этой истины не знает?...
Да, Он один в Своей руке
Зажал все нити жизни. Мощный,
Вселенной правя, как ладьей, Он
держит всю ее громаду... Не слух -
ли ощущает звук? — Не вкус - ли
осязает сладость? А мудрость - в
старцах: это - плод Лет долгих, в
опыте созревших.— И вот что
говорят они:
«Премудрость в Нем сошлася с силой,
И в Боге узел обоих!
Он скажет небу: «затворися!» — И кто
сведет на землю дождь? Он скажет
безднам: «выступайте!» — И бездны
хлынут, и земля
Исчезнет под кипящей влагой,
И, где блистали города,
Там распахнет корабль ветрила. —
Да, у Него и ум и сила
И знает Он и может все! —
И кто блуждает иль к блужденью
Заводит – тот и тот равно
Известны и подвластны Богу.
Он Сам – а как? не знаем мы
— И стелет мрак в советы
мира, И превращает ум судей,

И с грозного чела царей
Срывает, Мощный, диадиму, И
власть их обращает в дым! — Он
тронет - ли состав природы, — И
ребра вечных гор трещат; Туман
напустит на народы, — И брань и
свары закипят,
И рвутся из под гнета власти
Людей разнузданные страсти —
И вся земля полна тревог!
И Он - же, всетворящий Бог, Из
уст мужей остроглагольных
Похитит слово - и молчат!
Велит – и ум безумьем станет,
Дохнет – и полетит стремглав,
Скользя с высот, счастливец мира,
На смех толпе! – Всеведец, Он
Выводит на позор деянья,
Сдирая с тайны пелену!
И что скажу еще?... Он царства
Громит, крушит, дробит, и — вдруг
Уже развеяны как пух!
Захочет, – вновь сберет и склеит,
Судьбою новой одарит,
И новой славой обновит!
Ломая силу как соломѹ,
Он любит сильных унижать,
Смеясь земных оружий грому...
Пред Ним земная тает рать И
рассыпаются народы,
Как бурей взбрызнутые воды.....
Он повелел – и видим мы:
Владыки странствуют в пустынях —
Одни, без войск и без вождей, И
ощупью скитальцы бродят,
Хватая вместо света мрак,
И спотыкаясь с каждым шагом;
Зане, отняв от них Свой свет,
Он их бросает на шатанье,

Как отуманенных вином....»

ГЛАВА XIII.

«Итак вы видите: и я

Не меньше вас о Боге знаю!..

О, много видел уж мой глаз

И ухо слышало о многом!...

Так успокойтесь, помолчите,

Слово - охотные друзья!

Я стану состязаться с Богом....

Вы изумляетесь... а я,

Я не страшусь в моих страданиях,

С безлестной детской простотой,

Спросить о правде Бога правды.

Послушайте!... когда - бы вы

Могли молчать и слушать!... други,

Послушайте! — Но нет, у вас

Уж движутся уста: вам трудно

Молчать и выслушать... А что - ж?

Что ваши речи? Ветер в поле!...

Да нужны - ль речи ваши Богу,

И нужны - ль сами вы Ему

В заступники?.. Или без вас,

Красноглаголивых, Бог власти

Не властен дать мне правый суд? Знать,

вы хотите приласкаться К Творцу—

Всеведцу? Мните - ль, — Он, Как

смертный, с лаской примет ласку? — Нет!

Островзорый, Он насквозь Провидит

души..... Кто вы, други?

Скудель повапленная - вы!

К чему хитросплетенье речи?

Вы золотите гниль и прах,

Вы защищаете неправду,

Когда стараетесь оспорить
Любви и веры правоту
Одно сокровище страдальца!
Молчите - ж, я заговорю —
И пусть со мной, что будет, будет!
На все готов; но все скажу.... За
чем грызу я плоть зубами, И душу
бедную, схватя,
Держу в груди моей руками? Пусть
грянет, пусть меня убьет, — А я, я
все не перестану
Его любить! Но пусть - же Сам —
Пусть Сам дела мои рассмотрит! Я
– весь пред Ним: я не лукав! Я, как
в суде, возвышу голос.... Кто - ж
мой противник? – Обличай! Мне уж
не долго жить на свете, Не долго в
сей грязи земной
Влачить мой труп, от ран сквозной.....
Великий Боже! Сильный Боже! О двух
вещах Тебя прошу:
Не тяготи Своей рукою
Мою надломанную грудь!
И да не сходит на страдальца
Твоя гроза!.... Не скроюсь я
Перед судом Твоим верховным!
На вызов Твой я сам явлюсь,
И ты на вопль мой отзовешься.....
Развей - же свиток дел моих: В чем я
преступен? В чём сужуся?!.... Но Ты
молчишь..... И на меня, Как на
противника, взираешь.... Иль хочешь
бурею дохнуть — На травку, на
листок изсохший?
Иль силой грозной изломать
Полу - истлевшую солому?
Ты зорко сторожишь меня,
И по пятам моим ступаешь,
И каждый след моей стопы

Рассматриваешь.... Боже!... Боже!!..
А тело, между тем, мое
Отстало от костей; кусками
Валится плоть моя; я ткань,
Насквозь проеденная молью;
Я древо - жертва лет и бурь
Давно грызоемое червями!...»

ГЛАВА XIV.

«О, бедный жребий человека!
Мгновенный гость земных садов,
За чем родишься ты?....Для муки.
Едва возникнет, как цветок,
Едва распухнет,— уж видит
Размах погибельной косы,
Готовый срезать гостя жизни..... Как
ть, как сон, мелькают дни, — И кто
их бегство остановит?..... Однако -
ж.....Ты - над ним! Твой взор Его
следит..... но тщетно ищет В нечистом
чистого!.... И кто, Кто прав, кто чист
перед Тобою? И однодневное дитя
Уже нечисто! — Кинь - же меч Свой
И милостью покрой грехи!
Ты дни его сочел, измерил
И Сам уж положил предел,
Его же смертный не преходит.....
О, дай—же Ты ему хоть день,
Хоть час пожить на сладкой воле:
Не мучь его, не укоряй,
Чтоб он не раздружился с жизнью,
И чтоб в тоске не ждал конца, Как
ждет измученный наемник, Доколь
завечереет день!.....

Увы, когда ссекают древо,
Его, дождем скропленный, пень
Еще с весною молодеет
И часто отпрыски дает;
А человек, а сын Адама —
Свое значенье, силу, власть
И все, что звать привыкнул счастьем,
С собой уносит в страшный гроб! Он
ляжет в землю, и для жизни Земной
его уже не станет....

Как на златой поре весны,
Среди пустынной тишины,
Ручей шумливый, говорливый,
Спеша, - куда не зная сам, —
Несется вьется по лугам,
И вдруг в пески..... исчез, изсякнул:
Так умирает человек,
И спит в земле....Он будет спать,
Пока земли не станет боле
И распадутся небеса!

Ах, если - б Ты меня сокрыл
Хотя в глубоких безднах ада, Пока
пройдет Твой страшный гнев, И срок
назначил - бы, но после К надеждам, к
счастью воскресил!..... Ведь, будут -
же и за могилой Другая жизнь и
бытие!...

Тогда Ты воззовешь, — и я,
Как сын Отца, Тебя услышу:
Возлюбишь Ты Свое
созданье!... Тогда мои все
преступленья, Грехи, ошибки
детских лет,
Собрав в особый мех, сокроешь
Ты Сам на вечность под печать.
Зачем - же ныне гнев, не благость
Испытываю свыше я,
При всей любви к Тебе и людям?!...
Как воды скрытые — все боле, Все

глубже подмывают холм, Доколь,
подкопанный у корня, Он
пошатнется и падет:

Так подмываешь Ты надежды
Страдальца в жизни до конца. Ты
любишь спорить с человеком, И
бедного жильца земли,
Грозой, сияньем изумляя,
Ты отсылаешь со стыдом
И с потупленными очами....
В изнеможеньи от страданья, Не
смотрит он уж, что с землею,
Что делается в семье людей,
Цветет - ли милое потомство
В дому, где сам он расцветал?
Не зрит, не чувствует..... и доколе
Еще на нем живая плоть, —
Свои лишь чувствует он скорби,
Своя лишь грусть его грызет!.....»

ГЛАВА XV.

Тогда Елиафаз Феманский
Возвысил голос и сказал:
— «Пристало - ль мудрым суесловить,
И сердце ветром наполнять? В тебе
не стало Божья страха, Ни
умилительной мольбы:
Ты возстаешь на Божью правду!....
Покинув сердца простоту,
Ты говоришь, как человеки,
С лукавой горечью. Смотри:
Не я, твои уста речисты,
Твой необдуманный глагол,
Тебе в суде уликой будут! ...
Что, разве ты один рожден

В мученьях от жены? - Ты - ль первый,
И прежде - ли сложенья гор
Явился в свет? И чем отличен
В семье скудельных человек?
Ты зародился - ль в горнем свете,
И заседал - ли ты в совете
С Творцем творенья прежде век?
Познал - ли тайны, понял мудрость?....
Скажи: что знаешь больше нас? И
между нас, ведь, есть - же старцы:
Сребристо, – власые, они
Равны отцам твоим годами
И мудрость в них – как зрелый плод.
Что, разве утешенья Бога
Тебе не дороги? – Иль ты,
Душой скорбящей к Богу близкий,
Не знаешь их?!... Почто - ж уныл,
Суров, косые мещешь взляды?
Зачем противу ветра прешь?
Кто смертный пред Бессмертным чист?
В святых Своих Он видит тени, И
солнца свет и блеск небес
Пред Ним нечисты. Что - же люди,
Что, вросшие в пороки, мы —
Пиющие, как воду, мерзость?
Мы смрадны и темны пред Ним!
Я поучу тебя – внимли мне! — Я
расскажу, что слышал я
От мудрых, что благоволили
Они в потомство передать:
Страна сия – сии пустыни
Дана лишь им одним; никто,
Пришлец, не смел тут водворяться.—
Вот что от них:
«Муж нечестивый,
Хотя во власти и счастлив,
Блистателен и горделив, —
Всегда заботлив и тосклив,
И краток век людей строптивых!

Всегда в ушах его звучит
Злосчастья вопль!... В тиши чертогов
Он мнит – бросаются к нему
С ножами..... Мрак, тоска и меч
Над ним витают и, голодный,
Несчастный мечется, ища
Отрадного, живого хлеба.
Он знает, что без утра ночь
Его надолго ожидает.
Страшна тоска, грозна беда:
Они так твердо наступают,
Так прямо идут на него, —
Как, всеоружием блистая,
На битву выезжает царь...
Вот так - ему: за то, что дерзкий,
Роптаньем ум ожесточил .
И Бога правды огорчил; —
Едва развежился и сладко
Сказал: «теперь спокоен я!» —
Вдруг буря бед порывным вихрем
К нему, и корнем вверх его!... И
Бог притек и, сильной дланью Его
схватя, потряс – и се
Огромный телом истончился!...
И будет, мрачный, он витать В
градах и селах разоренных По
грудам камней. У него
В сквозных руках не уцелеет
Его богатство. И притом,
Что ни начнет он – не докончит;
И будет он – как дерева,
У коих цвет оципан. — Руки
Его завянут, как трава;
Зане стяжанье лицемеров —
Лишь дым, и горе, горе им!
Толпой низринутся в погибель, И
страшный огонь пожрет шатры
Судей, про истину забывших,
Священной правды продавцев! —

Несчастные! Им грустно, тяжело!
Их ум, чреватый бурей дум,
Рождает – лишь одни обманы!....»

ГЛАВА XVI.

— «Слышал такие речи я,
— Тоскливо Иов отвечает:
Красноглогольны вы, друзья!
Но ваш глагол не утешает....
На вашем месте, я бы вас
Не ветротленными словами,
Но чувством сердца укрепил!
Что значит сей набор упреков,
И личных на меня намеков,
Сие низанье красных слов?
Они утишут - ли страданье,
Излечат ли жестокость ран?!
Да не хотите - ль поменяться?
Я уступлю вам недуг мой
И посмотрю, как вы снесете
Грызенье острых зуб его!
Но вы пришли, зная, чтоб умучить,
Уничжить меня!... О стыд!...
Жежлом биеете вы железным По
ребрам обнаженным сим.
Вам надобно мое молчанье!...
Но я невольно не молчу,
Невольно плачу и кричу!...
Но говорю не я, во мне
Заговорили Божьи стрелы:
Они в мою всосались душу,
Они мой вытесняют вопль! —
И что - ж вам? — Я молчу - ль, стенаю - ль, —
Я суд держу с Царем суда! —

(Помолчав.)

Увы, душна оцепенела,
Несчастьем подавлена,
И под развалинами тела,
Убитая, схоронена! —
Но я не прочь от состязанья:
На видимых моих врагов:
Пущу я бурю пылких слов
И их сожгу!.. Но мне страданья
Велят молчать - и скрежетать!!....
Врага невидимого (*) руки

(*) Иов чувствовал действия злокозненного виновника своих страданий – сатаны.

Теснят гортань, сугубят муки
И на уста кладут печать.
Как ярый зверь, в порыве яром,
Он на больного наскочил,
Озлился – и одним ударом,
Как трости, ноги подкосил,
Сверкая дикими очами... ..
Его разбойники, толпой,
Пронзали, резали мечами
И хохотали надо мной!....
Господь мя предал нечестивцу,
Да наругался - б надо мной!...
Огромной пастью зияя,
Нечистой лапою своей
Он бил страдальца по ланитам!...
Как я был счастлив!... Вдруг он, мощный,
Притек, схватил меня, вознес,
Тряхнул, сдавил и, будто мету,
Ко древу старца пригвоздил,
И рек: ««в него мечи и стрелы!»»
И вот, отсель, оттоль летят—
Бодут, крушат, язвят, пронзают,
Занозят, шарпают, терзают,
Секут, – и внутренность моя
Уже просыпалась на землю!.....

Смотрите: кожа у меня
Как мех истертый, очи тусклы,
Лицо опухшее от слез....
Вам ведомы - ль такие слезы?!
Они изрыли грудь, они
Сжимают, жгут мою утробу.....
О, не впивай в себя, земля,
Из ран моих текущей крови!
Родимый ветер, не разноси
Кипящих слез, сердечных вздохов,—
Да слышит их еще пустыня,
Когда не будет уж меня!!...
Презренный, изгнанный, я все
Берег, как жизнь, мою невинность.
Я знаю, – в небе Око есть:
Оно – свидетель мой!....Смотри - же,
Смотри, мой Горний! Вот друзья
Смеются надо - мной, – а Иов
Рыдает, Боже, пред Тобой!
Ах, если - б твари можно было
Хоть час, хотя единый миг,
Лицом к лицу, раскрытым сердцем
Поговорить с своим Творцем!
А то – бегут, бегут дни наши,
И я отъиду в дальний путь,
Отколь уж боле нет возврата.....»
ГЛАВА XVII.

«Я слышу: жизнь бежит, бежит,
Я то горю, то холодею,
Носимый духом, тлею.... тлею....
И скоро мне угаснет день,
И хлад и ночь меня обнимут.
Гробокопатель уж пришел
И ждет, опершись на заступ,
Когда закрою я глаза,—
Чтоб уложить меня в могилу.

Я уж не зрю родных небес:
В глазах стоят потоки слез!
И надо мной еще смеются!!...
О Боже, в горниих Твоих,
У прага Твоего чертога,
Дай мне последний уголок!
Тогда меня земная сила
Не вырвет из Твоей руки...
Они туда не вознесутся,
Зане от жестких сердцем к другу
Ты отнял светлую премудрость.
Увы, я басню стал людей!
Звящаю, как кимвал! — Тоскливость
Мне вгрызлась в душу. Чтó со мной?
Мне мнится: — я мертвец, я призрак!
День сжет, ночная тишина
Меня томит, меня пугает....
И часто новая луна
Мой старый недуг распалает.
Я слышу страшный в теле зуд,
Меня неслыханно терзают,
И режут и сверлят и жгут
И будто кожу с ребр сдирают.
Мне страшно позабыться сном.
Усну – и вижу вдруг пожары:
Неугасимым, лютым, ярым,
Невиданным у нас огнем
И небо и земля объята;
И страшным призраком крылатым
За всеми гонится беда
Шатры, верблюды и стада
Погибли, все дробится, тлеет, — А
сердце млеет, млеет, млеет!..... И
праведный смутится духом От
лютых бед, но не изменит
Любезной правде; и блажен, Кто
чист руками и душой!

Ты Сам порукой будь, о Боже,

За верность пред Тобой мою! Не
верит мне никто, ни дружба; И
свет во мне хотят во тьму
Насильно обратить. — Желая
Уж одного покоя - в смерти.
Меня манит какой - то перст,
Зовут на новое жилище;
И скоро уж постель мою
В холодном месте перестелют,
И гроб я назову отцем,
И гробный червь мне станет братом:
И вот мой жданный, сладкий час!...
Но где - же будут все надежды —
Благословленья правде - в жизнь, И
сладкие обетованья
Благословлений тех - и в смерть?
Все лягут там - же, где и я!...»

ГЛАВА XVIII.

Возвысил глас Валдад Савхейский
И рек:
— «Когда - ж окончишь—ты?
Пора! Умолкни и послушай:
Ты нас совсем заговорил
В своих речах тоскливо - строгих. —
Мы – не от стад четвероногих! — И
нам дар слова также мил!... Но ты в
словесные тенета
Нас, видно, хочешь заманить!
Замолкни - ж, друг, и отвечай нам:
Зачем ты, в гневе, сам себя
Безщадно раздираешь? – Бедный!
Иль мыслишь, – для твоих услуг
Исторгнут холмы, сдвигнут горы И
землю перестроят?.. Нет,

Гневливый ропот не изменит
Порядка мира! Вопль и стон — На
ветер..... И напрасно грешник
Волненьем дум свой ум кружит!
Ему заставлены дороги;
Под ним раскопан скользкий путь:
Он – из капкана в сеть, и гибель
Его, как коршун, сторожит. Везде
поставлены зацепы,
Везде тайник, везде силок,
В пустыне сжет его песок,
В пути под ним колени млеют,
И на него незримо веют
Каким - то ужасом,— и он
В испуге мечется повсюду....
Чем подпирал себя и чем
Держался он, – то все мгновенно
Подломится.... И рухнет он!... И,
обвиня виной царевой,
Его изгонят, и в шатре
Другой хозяином засядет:
Он убежит... Его жильё
Посыплют серой.... Из - подспода
Засохнут корени его,
А ветви внешние жестоко
Безжалостный обрежет нож:
И память грешника смятется,
Как нечто ветхое, с земли!
И, изгнанный из света в мраки,
Он не оставит по себе
Ни чад, ни милого потомства.
И дрогнут, гибель зря его,
И изумятся, слыша повесть
О нем в позднейшие года!
Вот это грешным в воздаянье!
Таков безбожного конец!
Сего ты, Иов, опасайся
И сетуй о своих грехах!»

ГЛАВА XIX.

- «Доколь еще ругаться вам
И унижать меня, о други,
Ненасытимые в словах,
Неистошимые в советах! —
(Многострадальный Иов рек,
Непонимаемый друзьями.) —
Вот уж не раз, уж десять раз
За вас стыжусь. - Как вы жестоки!
Что значит резкий сей упрек? Что
– сей разбойничий наскок И на
душу мою набеги?
Я согрешил? – мой грех - не ваш!.. Что
вам? Скажите - ж: знать, вам любо
Полу - умершего мертвить
И клеветать на несчастливца,
Ища в нем пятен и вины!?!..
Но ведайте: меня не смертный,
Сам Бог повергнул и связал;
Сам Бог, Свои раскинув мрежи,
Меня в Свой невод уловил!
Не стало счастья мне в жизни,
Я присмирел, завял, уныл...
И вот, в страдании великом, Кричу я
страшным, зельным криком; Но мне
не внемлют, нет суда, Нет воздаянья
за обиду!
Он Сам – (как знать про то – зачем?)
Перекопал мою дорогу
И протянул над нею тьму....
И я захвачен в тесном месте:
Передо мной стоит стена,
Кругом – ни выхода, ни входа, Я
спрятан в каменном мешке!...
Разоблачив от прежней славы,
Сорвав венец с моей главы, Он

разорил мою всю крепость, Со
всех углов меня подрыл
И все надежды с корнем вырвал!
Он весь был гнев - и, как с врагом,
Со мной на битву: рати, рати И
полчища Его текли,
И притоптали все дороги,
Измяли все мои сады,
И обошли живой стеною
Осиротелый мой шатер.
И от меня, Своей рукою,
Моих Он присных оттолкнул:
Моя жена, боясь заразы,
Покинула мой смрадный одр,
И ближние меня забыли,
Забыли даже, как зовут
Несчастливого!... Я - старец бедный,
Ко мне друзья не милосердны, И
разнакомлен я с людьми! Вот я и
в доме - не хозяин,
Уж и слугам – не господин!
Раба я позвал: он услышал,
— И не пришел на зов... Мои
Уж не мои!... Мне все чужие! —
И даже детища рабынь,
И странники, и все, кого я
В шатре (он был для всех открыт!)
Честил, приветствовал, лелеял, —
Отворотились от меня!...
Притом и кожа прикипела
К больным костям.... Я – пень сухой!...
Шатаюсь, путаются зубы
И, дребезжа в моих устах,
Торчат сквозь треснувшие губы....
Умилосердитесь: я слаб,
Я болен...умягчитесь, други!
Рука Господняя на мне,
На мне, полу - живом.... Я тлею....
Но вы впились в меня!... Вы все

Не отстаете!... Вы, как вороны,
Хотите доклевать мой труп..... Так
режьте - же ножами тело И лейте
ливмя кровь мою!
Ах, если - б дал Господь одно мне,
Чтоб кто -нибудь мои слова
И вопль и стоны собрал в книгу!...
Железный грифель, начертай
Моих скорбей и бедствий повесть
На олове, на медной дске;
Назнаменай ее на персях
Единой из пустынных скал!...
Но я уверен: есть Спаситель,
Спасет, искупит Он меня!
Я сердцем верю в искупление,
И мой истлевший встанет прах,
Я новым воспряну из тленья!..
Да, верю в тайны возрожденья:
Я, возрожденный, обновлюсь, И
просветленными очами
Из тела нового я сам,
Я сам Спасителя увижу!
Тогда напьюсь святой в Нем жизни,
И в море света погрузусь... .. И
пожалеее тогда,
Зачем томили вы страдальца....
Друзья, убойтесь: есть меч, Он
отмщевает за жестокость! О,
надо помнить Судию
И суд Его неумолимый!...»

ГЛАВА XX.

На эту речь Софар Минейский,
Все гордый мудростью своей,
Возвысил снова голос строгий:

— «Теснятся думы... Я хочу
Сказать тебе прямое слово. Я
выслушал, - но речь твоя
Еще меня не пристыдила.
Я поищу в моем уме
И не найду - ль ответа... Слушай:
Не знаешь - ли, страдалец—друг,
Что с давних, давних лет, от века,
Когда Бог землю дал, как дом, Во
власть, в жилище человека, —
Злодеев праздник был всегда
Мимотекущим, ветротленным, И
счастье нечестивца - сон! Пусть он
растет, растет высоко, Челом
тревожа облака, —
Но тянется за ним рука:
Он сорван - и, в мгновенье ока,
Уж он у счастья отгостил!..... К
нему с дарами притекают, —
И нет его!.. И вопрошают:
Где - ж он? Ведь, здесь он где - то был!...
И нет его!! – Не сыщут места,
Где твердой он стопой стоял,
Высок и прям, как кедр пустыни,
И молнийный перун гордыни
В очах надменного сиял...
Чьи дети, в рубище и с плачем,
Теснясь в приютах нищеты,
У нищих, некогда презренных,
Дневной вымаливают хлеб?!..
Чьи эти скорбные младенцы?!
Его!..... И вот рука судьбы
Исторгла у него до капли
Все, что он, жадный, похищал!..
Его уж тлеют, тлеют кости
За то, что юности грехов
Они наполнились, и сладким
Ему всегда казалось зло!
Он, лакомо его вкушая,

Берег, как мед, под языком:
Но вот и сладость огорчилась,
И желчью аспида стал мед!
Как снеди, достоянье ближних
Он жрал; но Бог исторгнул все
Из глубины его утробы, —
И змеи свили в ней гнездо...
Нет, не прольются токи меда,
Ни токи сладкого млека
В его тоскующую душу!
Он выдаст все, что приобрел
И то не вдруг, не вдруг, – но мало
Помалу, как к нему пришло,
Так и уйдет!.... Все испарится!
И станет дом его – пустырь!
Вот так тебе: зачем с убогих
Сбирал последнее! — Зачем,
Когда поставлен был, чтоб строить, —
Ты разорял!?!.. - Сам
разорясь, Впадет в
безжалостные руки:
Словесных коршунов стада
Его обсядут, чтоб останки
Былых достатков доклевать;
И Ангел Божий крепкий, грозный
Его изгонит из шатра;
И Бог над ним надвинет тучу
И одождит его огнем.
Тогда – беги он от железа, —
Ему навстречу - медный лук,
Стрела пробьет его на вылет,
Железо погрузится внутрь
И выжмет желчь. И страхи, страхи,
Грозя и мчась за ним толпой, Его
обступят. Огонь, не вздутый Никем,
взгнездится в нем, и он, Как ветошь,
станет тлеть... И,– горе!— Кто под
шатер его войдет
Хоть гостем?... Верь мне, – Око свыше

Откроет весь его позор
И грех, – и вздрогнет от боязни
Земля, стена под ним. — И все,
Все, что собирал он, расплывется,
Как драгоценное вино
Из скважин меха. Вот награда,
Вот воздаяние за зло,
Закон возмездья непреложный!...
Сим утешается в страданы,
Кто сердцем праведен и чист!...
Страдать должны одни лишь злые! —»

ГЛАВА XXI.

— «Однако - ж злые тож живут!»
Страдалец с скорбию возражает
Своим друзьям наперекор,
И продолжая разговор:
Живут, – и как еще!!... Смотрите: Кто
в силе, в счастье? — Не они - ль? Их
род в очах их созревает,
И созревает для утех!
У них в домах разгул и смех;
Для радостей, свежи и здравы,
Младенцы их родятся в свет,
Звук труб и бубна – им привет,
Они растут в шуму забавы,
И счастье сыплет им дары!..
Доят млекó их тучны кравы,
И сырные у них дворы
Богаты скопом и запасом;
И нивы, с зыбким, желтым класом,
Орошены, наводне;
Пшеницей закромы полны!
К ним все само бежит что надо:
Растет, десятерится стадо

И, как река, в загон течет; —
А Божий прут их не сечет....
Их дети весело играют,
Псалтырь и гусли в их руках:
Они поют, они порхают,
Как птицы Божьи на ветвях!
Роскошно тканями украшен
Шатер счастливцев пировой;
В тимпаны слышен звонкий бой
И ломятся столы от брашен.
Им жизнь - один протяжный пир; А смерть,
- как и для всех, – мгновенье!.... А между
тем они в страстях,
Сказали Богу: «Удалися!
Мы - не Твои! Мы жить хотим —
Как жить приятней!... Что законы?
Повиновение на что?!..
Томись, страдай, молися Богу....
За что?... какая прибыль в том?»»
Так судит грешник, и тучнеет И
хорошеет он.... Тучней!
А я, калека и убогой,
С тобою, счастливый злодей, Я
не пойду одной дорогой!...
Беги, стремись к своей судьбе!
Я не завидую тебе!!..
Я уж давно с негодованьем
Отстал от гибельных путей,
И на советы нечестивых
Я, верный Богу, не хожу!...
Но что ж? – придет - ли воздаянье?
Замолкнет - ли и в их шатрах?!
Когда - ж то небеса совьются, И, в
свистах бури, пронесутся
Опустошение и страх?!..
Когда, ломая кущи, дома,
Как скопища сухой соломы,
Сорвет их духом вихрь своим И

сдует радость их - как дым? Когда -
ж незримый глас промчится: ««Се
казнь! Се воздаянье злым»»? Вы
скажете, что

««В род и роды

Казнит Бог внуков и сынов

За грех родителей»»:

А им – что?...

Пускай, когда они умрут,

Падет их род, исчезнут дома!...

Так говоришь – и часто в грусти,

Когда глядишь на праздник злых

И на беспечность нечестивых....

Но как судьбу пересудить!

Не человеческим судом

Бог Вышний судит человеков! —

И нам - ли Вышнего учить?..

Он так велел.... и так да будет!...

Иному жизнь – как отчий дом: Он

свеж, огнист, здоров и весел,

Чело подъемлет высокó,

И кровь свежа в нем, как млекó,

И мозг в костях его тучнеет.....

Другой наморщен, дрябл и хил,

Всегда вздыхающий, унылый,

Ни разу счастья не вкусил От

пелены и до могилы!... Однако -

ж оба в землю ту ж Отходят по

надземной жизни, И тот и этот -

снедь червей!.. Я знаю ваши

мысли, други! Вы думаете:

Про кого - ж

Он говорит нам? – Так - ли это?

Где - ж те богатые шатры, Где - б

люди жили нечестиво, И жили

мирно и счастливо? И в мыслях,

между тем, меня Вы ставите себе

примером. Вот, – говорите, —

лицемером И грешником богач сей

был, И грозный Бог его разбил,
Как дорогой сосуд с елеем! Мы
редкий в нем пример имеем!...
Кивая на меня главой,
Друзья, вы, полные незлобья,
Смеетесь над моей бедой,
Дичась и глядя из - подлобья.....
Но я вам говорю не ложь:
Судить меня оставя Богу,
Идите, сядьте на дорогу
И, путникам отдав привет,
Спросите у людей прохожих, У
странников из дальних мест, —
Они вам верно скажут тоже,
Что много, много в свете злых,
Которые живут спокойно
И не нуждаются ни в чем;
Но к этому прибавят слово
И скажут также и о том,
Что есть для нечестивых кары, И
что земной весь блеск их – тень,
Что Бог сберег для них удары И
сберегает их самих—
На час иной, иное время,
Когда настанет судный день И
кликнут их! — Тот день ужасен, —
Тот день – грозы, тревог и бурь,
День молниями чреватой тучи!
Придет он страшный, неминуемый, —
И нечестивца повлекут,
При шуме хохота и рева,
На пир иной — на чашу гнева!...
Так, в свой черед, падет злодей И
притеснитель слабых – сильный;
Но казнь и жребий замогильный
Его сокрыты от людей.
Спокойно, век изжив в разврате, С
бесстыдным сердцем и челом, Он
умер; труп закутан в злате, И над

могилой вырос холм! — И в чем же
оправданье ваших Речей о
воздаянии правом — Еще и в
дольнем мире сем?.. Зачем - же
попусту и спорить? Не время—ль
кончить ратоборство? Я вижу в вас
одно упорство.....»

ГЛАВА XXII.

И возразил Елиафаз:

— «Возможно—ль человеку с Богом,
Творенью спорить со Творцем, Хоть
будь из мудрых он мудрейший?!..
Скажи: какая прибыль в том
Могущему, святому Богу,
На высоте Его небес,
Что ты, земной, правдив и честен? —
И побоится—ль Он Тебя,
Хоть будь ты зол и дерзок сердцем? —
Ужель Всевидец наших дел
Придет в делах судиться с нами,
И с нами—ль поведет расчет?
Зачем перед людьми и Богом
Таиться? – Разве не грешил?
Не брал - ли с должников залога? И
не сдирал - ли с них одежд, — Когда
платить им не чем было? Ты шел на
них с грозой и силой! А бедным часто
- ль помогал? Охотно - ль путникам, в
день жажды, Прохладу в чаше
подавал?
И у боровшегося с голодом
Не отводил—ли хлеб от уст? —
Бессильным сдобренный участок—
Его родимый уголок,
Отняв, ты отдавал могущим....
Ты вдов безжалостно толкал,

Сирот их нагло утеснял, —
И Богу жаловались дети....
Вот от чего все сети, сети
Тебя окинули, и страх
К тебе, как буря, в душу рвется,
И мрак одел тебя.....И ты,
Слепец, не видишь вод бегущих
И окружающих тебя! —
Не там - ли Бог в выси надзвездной?
Не Он—ли водит небеса?...
Но ты сказал – знать:
««Богу - ль ведать
Событья тайные земли? —
Ужель сквозь толщу облак темных
Земное может видеть Он?
Я здесь, — Бог там – за облаками:
Мы друг от друга далеки!»»
Так говорил ты? – Но ужели
Ты никогда не рассуждал
О них, о прежних нечестивцах,
О их погибельных путях:
О буйном, древнем поколеньи? —
Земля людей тех не снесла,
Как тать, к ним гибель притекла,
И смыло их с земли волнение.... (*)

(*) Здесь можно заметить указание на всемирный потоп, поглотивший нечестивых.

Они вещали Богу: ««Прочь!
Иди в Свои небесны круги,
А нас, земных, оставь с землей,
И с нашей милой, сладкой волей —
Оставь!»».. И их послушал Бог:
Добром пресытил Он их дома,
На зло им руки развязал.
Они шумели, бушевали;
Но рок слепцов подстерегал,
Пока урочный час настал

И гибель обнажила землю....
Но – прочь! – иди других ласкать
Такое счастье нечестивых:
Невинным мерзок грешных путь!...
И ты скорее кинься к Богу
И, не входя с Ним в дальний спор,
Из уст Его, Царя вселенной,
Прими святой Его закон,
И скрой, что примешь, в тайну сердца!...
Когда приидешь вспять к Отцу, —
Отец тебя возставит паки! —
Но прежде вон – из под шатров
Порок и всякую неправду!...
Тогда посеешь златом прах
И склоны скал застелешь златом,
И золотом тебе – Сам Бог
И серебром Всевышний будет:
И будет то серебро - цельба
И врачевание недугам! —
Тогда - то радости святой
Найдешь ты в Боге беспредельность,
И вознесешь к Нему чело!
Начнешь просить, – Он станет слушать,
И все, чего - б ни попросил,
К тебе пошлетя непременно....
И яркий свет озолотит
Твои житейские дороги.
Ты встретишь сжатого судьбой:
Он выплакал от горя очи,
И ходит в мире сиротой. ...
Он умилил тебя... И только
Пошлешь молитву за него, —
Он тотчас будет и утешен
И поднят, и Творец его
Возвеселит и успокоит; —
И ты притупишь жало мук,
Мольбой и чистотою рук!...»

ГЛАВА XXIII.

Но, укрепясь, вещал им Иов:

— «Нет, не умолкну: буду все

Скорбеть и вопиять и плакать! —

Друзья, скажите мне: где Бог? Где -

б мне сойтися близко с Богом?

Когда я сам себе твержу:

«Я Бога, Бога все люблю!»

— Мой недуг будто затихает,

Сносней несносное бывает И

терпеливей я терплю!

О, как я Господа люблю!!... Мне

дайте - ж Бога!.. Жажду Бога!

Увидеть Бога я хочу!

Скажите: где к Нему дорога?

Я кину одр и полечу

Туда – до самого престола, Где

суд Свой держит – Судия! Там,

грустный, облегчу я душу, Все

выскажу я там и, мню, Я докажу

земле и небу,

Что неповинен я и чист!...

Я посмотрел - бы, что мне скажет,

И знал - бы, что Ему сказать!...

Ужели Он захочет силой

Меня, безсильного, страшать? ...

Нет, Он, конечно, убежденьем

Преополчится на меня.

Но я, невинный, я согласен С Ним

состязаться. Он меня

Торжественно признает правым На

праведном Своем суде! — Но где -

ж Он, Бог? Вотще взываю! Вотще

кругом Его ищу:

Гляжу направо – и не вижу,

Налево – нет!... вверху, внизу,

Ни пред собой, ни за собою

Не вижу Бога!.. Скрылся Он!..
Повсюду Им руководимый,
Везде Его я видел свет,
Негаснущий, незаходимый...
Но он померк, он улетел, —
И, как младенец по родимой,
По Нем тоской я заболел!...
Но если Он в меня - бы вникнул,
И Сам - бы испытал меня:
Пред Ним, — как камень драгоценный,
Иль чистое от смесей золото, —
Блистателен явился - б я!...
Поверьте мне, поверьте, други:
Я никогда не изменял
Его любезным мне заветам,
И слово каждое Его
Храня, я уловлял так жадно,
И так усердно сберегал,
Как нищий свой кусок последний,
Когда его застанет глад!
Но как творенью прекословить
В делах Творца? Он повелел:
Кто - ж повеление отменит?
Он делает, что́ хочет, — и
Он начал, Он и кончить должен! —
Неограничен Он ничем,
Его всевластие безбрежно:
Он может все; я – ничего!...
Вот мне и страшно от чего!
Вот от чего боюсь я Бога,
Трясусь – как лист! Он изумил Мой
дух Своею чудной силой! Едва Он,
грозный, повелел, — Тоска, как
буря, грудь мне взрыла,
Заклокотала в сердце скорбь, И
брызнули, как пламень, слезы, И
обожжен слезами я!...»

ГЛАВА XXIV.

«Ах, для чего не соизволил
Господь вести Свой суд открыто,
Поставить правду на земле,
И так судьбы людей устроить, —
Чтобы пороки за собой
Влекли свое и наказание?
Напротив, что бывает здесь? —
Преступники живут спокойно,
Спокойно у сирот берут
Последний родовой участок,
Спокойно чуждые стада
В свои загоны загоняют,
И с ветхих рубищ нищеты
Последний лоскут отдирают!
Так бедных мучат, позабыв,
Что те – их братья, те же люди!
Но их считают - ли людьми?
Толпы их, скрывшись в темных дебрах,
Выходят лишь ночной порой,
Чтоб на полях, уже пожатых,
Забытый колос подобрать
И пропитать своих младенцев...
Как часто острый, горный дождь
Покров убогий пробивает, —
И мать, прижав к груди дитя,
На хладный камень упадает,
Изнеможенная, без сил!..
Как часто сильный у бессильных
Детей от персей нагло рвет
И их назад не отдает —
Без тяжкой платы, без залога! —
Кем жмет елей он из оливок,
Кем точит сок из винограда, —
Того как часто голод жмёт

И жажда тяжкая сжигает! —
Но труженник не смеет сей
Скропить уста роскошной влагой,
Текущей под его рукой:
Над ним бдит глаз ему чужой;
Чужое делает он дело!...
И на селе и в городах
Кричат обиженные люди:
Конечно, крик их слышит Бог,
Но им томиться допускает....
Есть люди, кои с темнотой
Сроднились, как птицы ночи: Для
них несносен свет дневной— Он
колет им, как правда, очи!
Смотрите: вот убийца встал И
точит нож при свете лунном; Вот
обольститель ждет, когда
Стемнеет в улицах пустынных:
Ему и темнота светла,
Он говорит: ««чтоб не узнали,
Закрою я себе лице!»» —
Они, как филины, боятся
Людей и света, и дрожат,
Когда прохожих повстречают:
Однако - ж, не смотря на то,
Упрямо достигают цели
Преступных замыслов своих
И пожеланий своевольных,
И дерзко, парус распустя,
Несутся по морю разврата,
Спеша умчаться, унести
От тихой ясности душевной В
крутой, мятежный ураган, И от
живых потоков сладких — В
безводье, в знойные пески!... О,
страшно заглянуть к ним в душу:
Там все нечисто, все темно! Они —
греха живые гробы,
Легки и в мыслях, и в делах....

Судьба им будто помогает!

Конечно, умирают - же

И эти изверги; но жребий

Их – общий всем: как колос сельный,
Пожнет их смерть своей косой!!.. Так

где - ж над злыми правда здесь?!... Еще

- ль со мной хотите спорить?! Так пусть

- же Бог решит наш спор!...»

ГЛАВА XXV.

На те слова Валдад Савхейский:

— «Но все - же не безвинно ты

Страдаешь так у Бога правды! У

Бога власть, у Бога страх;

В Его лазурных высотах

Полки несметные теснятся, —

И кто их, грозных, изочтет?

Над кем Его не всходит свет?

Сей свет, безбрежный, неизмерный,

Везде, всему свидетель верный...

Где - ж бедный, хилый человек От

Бога скроется?... Куда

От острого Его суда

Уйдет? И чем, чем оправдится?

Иди пред Господом хвалиться!...

Пред Ним похвалится - ли день,

Луна - ль свою чистотою?

И тот и та пред Ним – как тень, —

Когда, с Своею лепотою,

В Своем величьи, выдет Он!

И звезды перед Ним робеют

И прячутся: Он уличит

В нечистоте их.... Кто - ж, рожденный

В болезнях от жены, дерзнет

Помыслить, что он чист пред Богом?
Сын человеческий, ты – червь: Тебя
щадит Его лишь милость!
Отродье праха, сам ты - прах,
И тленье жалкое, и гнилость!»

ГЛАВА XXVI.

Но Иов на слова его:
— «Что мне твердишь о Божьей силе,
О славе, блеске, чистоте
И о безславьи человека?—
Твой разговор помог - ли мне,
Безсильному, почерпнуть силу
И веселее сердцем стать,
Немудрому, – уведать мудрость?
И дал - ли дружный твой совет
Мне, безсоветному, отраду?
Ни жизни, ни утехи нет
В твоих словах роскошных, звонких.....
Мне что́ оне?!... Какой - же дух Из уст
твоих красно вещает?
Ты Бога хочешь отстоять:
Намеренье, – могу сказать,—
Твое прекрасно.... но напрасно!!...
Иегова и без тебя
Владеть вселенною умеет,
И без тебя сей Царь царей
Есть Царь над солнцем и зарей!
И я, как ты, об этом знаю:
Как мне не знать, что́ может Бог?!...
Пред Ним земля и подземелья
Трясутся, и дрожат пред Ним В
подземном царстве Рефаимы! Пред

Ним вселенная нага,
И нет покрова Аввадону!
Зиждительно раскинув небо,
Он – всемогущею рукою
Повесил землю ни на чем;
Он собрал в поднебесной воды
И узлом тайным их связал
В летучих облаках волнистых, —
И носят воду облака!...
Он Сам, везде распоряжая,
Своим хозяйственным перстом,
Провел черту и свет отрезал
От тьмы. Но весь состав небес,
Столпы основные природы
Трещат, когда ревуший гром
Его по тучам прокатится
И вспыхнут молнии кругом....
Ему покорны ураганы,
Мятущие лице пустынь;
Пред Ним трепещут великаны
На дне темнеющих пучин.
И звезд подвигнется громада, —
Лишь тайную Он тронет нить; И
землю может Он до ада
Одним ударом расщепить!...
Своею силою Он море
Всхолмит, напενит, вскипятит; Но
тихой мудростью лишь тронет Его
ревущие хребты, —
Оно отхлынет и задремлет,
Как в люльке кроткое дитя....
И звезды выступят, глядятся
В разливе ясно голубом;
И, меж созвездий, Змий великий,
Всемогущей стиснутой рукой, Крутится,
блещет, как живой! Не сей - ли древле
стал отступным?!— Вратам небесным,
недоступным, — У коих замирает гром
И гаснут молнии, – перстом

Едва коснулся Он, Могучий, —
В испуге разлетелись тучи
Пред Повелителем своим:
Затворы неба оробели,
Врата, как бури, заревели
И распахнулись перед Ним!...
Когда - ж велит Он, Мирно - славный, —
То весь сей мир многосоставный, Много
- громадная сия
Вселенная так тихо, стройно,
И величаво и спокойно
Вращается, идет, плывет!...
И вот, что делает Он, Мудрый!
А крепость кто Его познал?
И вот, что рек Он человеку:
««Живи добром и для добра
И, не испытывая Бога,
Благоговей лишь перед Ним!!...»»

ГЛАВА XXVII.

И продолжал беседу Иов:
— «Жив Бог, и Богом я клянусь! Пусть
просквозил Он плоть страданьем, Пусть
отнял все Он у меня
И обдал горечью мне душу:
Растерзанный, убитый я
Не отступлюсь еще от правды,
Не отпущу, — доколе жив,—
Моей невинности!... Со мною
Она сжилась, она спилась!!
Изнемогая, истлевающая,
Я все за истину держусь,
И ею, как второю жизнью,

Еще живу! – Друзья, ни в чем